

А. ГЕЛАСИМОВ

ЧИСТЫЙ КАИФ

РОМАН FLOW

ИЗДАТЕЛЬСКИЙ ДОМ
ГОРЬКОДЕЦ

18+

Содержит
нецензурную
брань

Андрей Геласимов

Чистый кайф

ИД «Флюид ФриФлай»

2020

УДК 82-3
ББК 84(2Рос=Рус)6

Геласимов А. В.

Чистый кайф / А. В. Геласимов — ИД «Флюид ФриФлай», 2020

«Чистый кайф» – блестящий, волнующий роман о жизни культовых рэперов, а также о любви, о том, что такое любовь истинная и ложная. О том, что настоящая любовь может быть высшей ценностью для человека. О степени доверия к тому, кто рядом. О верности и предательстве. Об отчаянии, лишаящем человека рассудка. О безжалостном влиянии страсти, которая никогда не прислушивается к голосу разума, а управляет людьми и ломает судьбы. Автор погружает читателя в малейшие оттенки чувств героев, передавая события через их восприятие, движения души, эмоции, настроение. Жизнь кумиров всегда вызывала интерес у поклонников. Но знаменитости – такие же люди, со всеми присущими людям достоинствами и пороками. Андрей Геласимов правдиво, без прикрас, на примере своих героев сумел проследить жизнь целого поколения. Книга, без сомнения, будет интересна самому широкому кругу читателей.

УДК 82-3
ББК 84(2Рос=Рус)6

© Геласимов А. В., 2020
© ИД «Флюид ФриФлай», 2020

Содержание

Часть первая	6
Конец ознакомительного фрагмента.	39

Андрей Геласимов

Чистый кайф

Автор «благодарочки» – Борис Геласимов

Чистый кайф / Андрей Геласимов. – М.: ИД «Городец», 2020.

© Геласимов А., 2020

© ИД «Городец», 2020

* * *

*Треушников Антон, тебе спасибо за то, Что вдохновил на создание этого всего.
За диалог о здоровье – Треушниковой Наталье.
Теперь эта тема в романе Звучит действительно реально.
Вадику QП Карпенко и Грузу Олегу – За то, что помогли создать Ростов будто из лего.
Майку – за образ Майкла, С которого в романе начался весь лайф.
Вникай, Мой самый чистый кайф.
Седому – за помощь по теме зависимости И за поездку в Святогорский монастырь.
О том, как жгли мосты и как бывало жестко.
Виталию Буслаеву – за его воспоминания О лихих девяностых.
За помощь в работе во время тура – Мите Миловзорову, Спасибо, было здорово.
Николаю Дуксину – за все подробности, За сложности, за тонкости концерта в Олимпийской плоскости.
За монастырскую часть, за вдохновение на написание – Спасибо отцу Макарию.
Gazgolder – респект за крутизну, Басте – за «Чистый кайф», «Сансару» и «Мою игру».
За непотопляемый позитив – Ноггано.
Василию Вакуленко – за то, что он такой как есть, Другого нам не надо.
Ростову-папе – за всех его детей.
Рэпу – за то, что он по-любому продолжает переть!*

Часть первая

Пистолетто

Ноябрь 2016, Дортмунд, Германия

На саундчек заявила полиция с большой собакой. Митя пытался протестовать, но немцы его не слушали.

Овчарка нюхала наши колонки и кофры. Леша Джей нервно хихикал и предлагал показать ей голый зад. Саша лупил по своим барабанам. Аня распевалась. Немцы ждали, когда псина что-нибудь найдет.

Овчарка, конечно, мне нравилась. Я в детстве сам хотел такую. Но сейчас это был беспредел.

– Вы охуели? – задал я невинный вопрос начальнику этой прекрасной собаки. – У нас концерт через два часа. Последний концерт в туре.

Щуплый Джей, всегда готовый умереть за свободу, выкрикнул что-то злое и радостное из-за своего пульта. В шестидесятые он бы точно мутил где-нибудь в Боливии с Че Геварой и его братвой, однако припоздал родиться и стоял теперь против мировой тирании в одного.

– Дословно переводить? – вежливо спросила у Мити нанятая им девушка из местных русских.

– Нет, – сказал он. – В общих чертах.

Оказалось, что полицию вызвала хозяйка зала.

– Как так? Зачем?

– Имеет право, – пояснил через переводчицу герр полицист. – Это ее собственность.

– Митя, – с чувством сказал я. – Мы ее чем-то обидели? Или она видела у музыкантов дурь?

– Если бы видела, – резонно ответил он, – собака бы уже чего-нибудь нашла.

С этим нельзя было не согласиться. Псина спокойно сидела посреди сцены и улыбалась во весь свой овчаркин рот.

– Тогда пойдем к этой фрау, – объявил я. – Пусть объяснит за кипиш.

Фрау сидела посреди огромного офиса, который больше походил на гараж. Во всяком случае, рядом с ее столом был припаркован зачетный спортбайк. Еще один мотоцикл стоял у нее за спиной. По ходу, она сюда прямо на них и въезжала. Половину стены слева от фрау занимала широченная гаражная дверь. Повсюду висели фотки боксеров и бойцов ММА с разбитыми рожами. Одна такая фотка стояла перед хозяйкой на столе. С нее улыбался пацан лет восемнадцати, державший над головой чемпионский пояс.

– Митя, мы что, в боксерском клубе выступаем?

Он заторопился:

– Ты знаешь, она сама на нас вышла. Мы начали подбирать залы, позвонили паре владельцев, но тут она предложила свой.

– И чего?

– По цене было пиздец как круто.

– Стопэ, братан, – сказал я. – То есть фрау хотела, чтобы я читал у нее свой рэп, сделала большой скидос по аренде, а потом сама же пригласила ментов?

– Толян, я понимаю – нестыковочка получается, но давай, может, у нее спросим.

Я посмотрел на фрау, которая, скрестив на груди руки, спокойно дожидалась, когда мы заткнемся и поговорим с ней на ее языке.

– Давай, – сказал я.

– Госпожа Штайнбах, – начал Митя, глянув на переводчицу. – У нас, кажется, возникло недопонимание...

– Попроси их уйти, – сказала вдруг немочка по-русски, глядя на меня сквозь огромные темные очки и не дав нашей переводчице даже приоткрыть рот.

Мы с Митей переглянулись, и я кивнул. Когда они вышли, русская фрау за столом закурила и молча уставилась на меня.

– Ну? – спросил я через пару секунд этого молчания.

– Что «ну»?

– Может, объясните свои непонятки?

Она усмехнулась, выпуская дым:

– А я-то с чего буду объяснять? Это же ты ко мне пришел. Сам и говори.

Я хмыкнул и плюхнулся в широкое кресло напротив нее.

– Хорошо. Вы так со всеми музыкантами поступаете?

– Как?

– Полицию вызываете для обыска перед концертом.

Она подумала секунду и помотала головой.

– Нет, только с тобой.

– Да? Это почему, интересно?

Она пожала плечами:

– Потому что ты первый музыкант, который здесь выступает. У меня, вообще-то, боксерский клуб, если ты не заметил.

Она обвела рукой фотки на стенах.

– Послушайте, – начал я. – Митя мне только что сказал, что вы сами предложили...

– Я слышала, что он сказал, – перебила она меня. – Толик, я не глухая. А вот ты, похоже, слепой.

Фрау сняла свои темные очки, закрывавшие половину лица, и слегка наклонила голову набок.

На меня смотрел человек из такого далекого и такого невозможного прошлого, что поверить в это мог бы, наверное, только вконец обдолбанный нарик.

– Не употребляешь больше? – спросила она. – Я ведь из-за тебя одного полицию вызвала. Мне тут проблемы ни к чему.

– Майка... – выдавил я. – Ты как это?.. Ты откуда?..

* * *

Тогда в Ростове, больше двадцати лет назад, из-за Майки замутилась реальная жесть. Память о ней вытравливал годами. Теперь все это, конечно, нахлынуло.

В отжившем, сука, сердце ожило.

Поэтому концерт пролетел как в тумане. Мы работали четко, все шло своим порядком, но перед глазами мелькали не только руки всех этих ребят из фан-зоны.

Я снова видел дебильного Майкиного брата Дёму, перепачканного в чужой крови Вадика, ростовскую братву девяностых, рыбок пираций в городском бассейне и маму со шприцем в руке.

Все это перемежалось образом новой немецкой Майки – с мотоциклами, боксерами и фоткой ее сына на столе. Она им очень гордилась. Это я понял. Майкин сын – чемпион. Этого она и хотела от жизни. Чемпионства.

А нас держала за лохов.

Но ментов местных вызвала, конечно, чтобы отомстить.

Того, что я с ней тогда сделал, не прощают. Никто бы не простил.

– Бля! Держи его! – заорал вдруг из левой кулисы Майкл.

Вот тут я вернулся в реальность. По сцене ко мне бежал толстый немец в белой футболке, а наперерез ему летел Миха. У немца рожа счастливая, он чувствует – сейчас будет тачдаун.

Но никуды. От Майкла не убежишь. Он не таких ловил.

Бум! Столкнулись как два хороших регбиста. Зал заревел.

Надо бы специально время от времени выпускать такого кабанчика. Народ любит махач. И Майклу тут равных просто нет. Сколько он их отпиздил, пока не присел за случайное убийство?

– Толян, прости, больше не повторится!

Да нормально все. Я читаю. Даже не сбился с дыхания. Главное – про Майку и про Ростов перестал думать.

Фан-зона поняла, что трек последний, и завела свое:

– Бу-стер! Бу-стер! Бу-стер!

Это значит – пора валить. Стартовый ускоритель свою задачу выполнил.

По пути со сцены заплутали чутка. Митя какой-то поворот перепутал, и мы залетели в тупик с огромными кофрами.

– Митя! Сусанин, бля!

Снаружи оказалось прохладно – почти декабрь. Воздуху на пороге маханул с духоты – как водочки уебал.

– Успеем?

– Конечно, Толян! Я водителю сказал, чтобы пёр под двести.

– А камеры на дорогах?

– Заплатим все штрафы, не проблема. Вылет через полтора часа. Должен успеть.

Я упал на заднее сиденье. Литовец наш за рулем смотрит на меня в зеркало.

– Ну что, Шумахер? – Я ему подмигнул. – Давай, братишка, жми на свою педальку. Меня дома ждут.

И он нажал. Минут через пять этой гонки по ночным улицам у меня в кармане ожил телефон.

– Привет, папа! – с экрана засветилось лицо дочки. – Как дела?

– Нормально, родная. Ты почему не спишь?

– Я уже легла, но потом придумала для тебя новое имя. Захотела сказать.

– Да? Ну, говори.

– Ты Папа-скайп.

– Ух ты...

– А еще Папа-фейстайм.

– Ничего себе...

– И Папа-вацап!

У нее лицо счастливое, как на днюху. Конечно... Сама такое придумала.

– По-моему, отличные имена.

– Правда? Тебе нравятся?

– Просто огонь.

– Я тоже сочиняю! Как ты!

– Нет, родная, ты намного круче. Мне такое не придумать ни в жизнь. Я тупой, ты же знаешь.

Она засмеялась, поцеловала ладошку и ткнула ею в экран.

– Пока, папа! Мы тебя ждем.

– Спокойной ночи. Утром приеду.

Я убрал телефон, отвернулся к окну и снова стал думать про Майку. Теперь про нее уже невозможно было не думать.

И про Ростов.

* * *

Май 1996, Ростов-на-Дону

В Чечне дело к тому времени шло на спад, но пацанов битых по ростовским госпиталям было еще навалом. Когда мы вышли из перевязочной, у двери их толпилось человек пятнадцать. Ждали своей очереди. У кого рука, у кого нога, у кого что. Перед отцом расступились молча, никто по уставу не приветствовал. На районе рассказывали, как офицеры в Чечне лютуют с солдатами. Понятно, что особой любви к звездам на погонах тут не наблюдалось.

– Ты куда? – буркнул он, увидев, что я повернул направо. – Выход не там.

– К Тагиру в палату зайду. Я обещал.

– Я тебе зайду! – Он схватил меня за рукав и потащил влево по коридору. – Я тебе так зайду – вторую руку лечить придется! Ты меня понял?!

Пацаны у перевязочной покосились на нас, однако ни зависти, ни сочувствия в их взглядах я не заметил. Офицерский сынок для них был такая же мерзота, как сам офицер, если не хуже. Капитана РВСН в отцы себе точно здесь никто не хотел. Генерала, наверное, еще можно было, но и генеральских детей, начиная с девяносто четвертого, в Чечне тоже побилло немало.

За воротами госпиталя нас с товарищем капитаном терпеливо ожидал целый табор солдатских мамок. Кое-кто из них был с детьми. Мелких они притащили с собой со всех концов необъятной, видимо, чтобы разжалобить выходящих из госпиталя офицеров. А может, просто дома оставить не с кем было. Неизвестно ведь насчет папашек всех этих битых пацанов – мамка, она и есть мамка, она по-любому ждать и рваться к тебе будет, из Тюмени в Ростов пешком по шпалам пойдет. А папашка морду пузырем надул – и в сторону. Ему – что есть сын, что нету. Призвали его там защищать конституционный строй, не призвали – это его проблема. Не в то время родился, надо было головой думать.

Так что мужичков среди этого табора особо не замечалось.

Но моему товарищу капитану вся эта компания была абсолютно до звезды. Он к ним привык уже, к этим мамкам, за годы долгой и суровой службы. У какого КПП их нет?

– Слышь, – говорит он мне и резко так за рукав останавливает. – Я не понял – у тебя кто отец?

Я стою перед ним и думаю: «Та-ак, у нас теперь еще и с памятью проблемы».

В соседней палатке с пивом Юру Шевчука включили про осень.

– Ты бы завязывал пить, – говорю, – товарищ капитан. А то гнать уже начал даже не по синьке.

– Рот закрой, – это он мне. – Ты, если что, помни – кто отец твой.

Я говорю:

– Я помню. У нас тут у всех Ростов – папа. Если что.

Он мне на это хотел по уху зарядить, но тут его настигли мамки. Они, в принципе, сразу к нему двинулись, когда мы из ворот вышли, однако товарищ капитан был так увлечен вопросами выяснения родства, что подхода женских вооруженных сил не заметил.

Вооружены они были чумазыми детишками, пакетами с едой и фотками своих пацанов, которых не выпускали к ним из госпиталя. Шевчук невдалеке продолжал лирическую тему про осень.

– Товарищ офицер! Товарищ офицер! – загомонила эта не большая, но сплоченная бедой армия.

Если бы Николаевна не грузила меня с детства уроками музыки и своим дебильным аккордеоном, я бы точно заделался в художники. Особенно если бы еще рисовать умел. Потому что здесь перед госпиталем нас окружили такие мамочки, такие лица, что бедный Рембрандт, или кто там, удавился бы от зависти в своей Голландии.

Деревенские перемешались с городскими, молодые со старыми, красивые со страшными, и все оказались такими молодцами, что товарищу капитану не то что слинять – ему продохнуть не осталось мазы. Они реально были самых разных возрастов. У одних в этом госпитале парился уже третий или, может, четвертый пацан, у других, по ходу, первенца загребли. Да не просто загребли, а сразу на войну пристроили. Пока он детство еще не забыл – когда автомат был деревянный, штаб – здоровский, враги – немцы, а «войнушка» означало совсем не то, что теперь. И от нее было весело. Во всяком случае, ни зачисток, ни отрезанных голов, ни раскатанных танками в лепешку человеческих тел. На такое у пацанов за гаражами никакой фантазии бы не хватило. Жизнь, как выяснилось, игры складывает намного круче.

Мамки попроще вели себя гораздо бойчей. Они осадили моего товарища капитана плотным кольцом, и дамам поинтеллигентней оставалось только тянуть свои фотки через их головы и плечи. Это не всегда нравилось передним мамкам, поэтому пацаны на снимках из второй линии время от времени летели в ростовскую пыль.

Товарищу капитану надо было радоваться, что его окружили одни приезжие. Если бы у госпиталя собралась такая же толпа местных женщин, явившихся к своим битым ребятишкам, тут не только одинокому офицеру – тут и целому КПП досталось бы на всю оставшуюся жизнь. Снести бы, может, его не снесли, но помяли бы тех, кто внутри, основательно. Хорошо хоть больничка рядом – подлечили бы сразу, если что. Это еще не учитывая подмоги ростовских бабуть. Это если они дома останутся. За внучком не придут. Потому что, если придут – тогда точно всем геройская смерть.

– Товарищ офицер! Володя Синичкин, Майкопская бригада! Скажите – как он?!

– Сеня Смирнов! Петроковский полк!

– Леша Потапенко! Можно к нему?!

– Толик!.. Толик!.. Толик!..

Мамки кричали так громко, что фамилия Толика никак не долетала из задних рядов, и от пацана оставалось одно имя.

– Женщины!!! – заорал наконец в ответ мой товарищ капитан. – Не наседаем, женщины! Базар прекращаем!

Они смолкли.

– Объясняю: к этому госпиталю я не имею ни малейшего отношения! Про ваших сыновей ничего не знаю, но могу вас уверить, что об их здоровье заботятся лучшие специалисты. – Он обвел командирским взглядом мгновенно притихшую толпу. – Все понятно?

Одна из них как школьница подняла руку и смотрит на него испуганно – боится, что накричит.

– Слушаю вас, – разрешил он.

– Нам ведь не говорят ничего, – заторопилась она. – И к ребятам никого не пускают. Мы не знаем, что там и как. Спасибо хоть от ворот не гонят. А на вас – погоны...

Этим она его проняла. Тон вдруг сменил на человеческий.

– Поймите, женщина, я зашел в госпиталь по личному делу. Семейные обстоятельства...

– У нас тут у всех семейные обстоятельства, товарищ офицер. Семейные – дальше некуда. Вы посмотрите на сына моего, может, узнаете? Может, видели сейчас там? Мне бы знать – ходит он или нет хотя бы.

Она протянула ему фотку, и все остальные как по команде протянули свои.

– Нет, – он покачал головой и снял фуражку. – Вашего я не видел, простите.

Когда отошли чуть подальше, он фуражку снова себе на башку приспособил. А так порядочно шел с ней в руке, репу поглаживал. Видно было, что запаadlo ему стало перед мамками. Хоть и капитан. И вроде как фасон держать должен.

Тут я, конечно, не удержался.

– Вот видишь, – говорю ему. – Ты насчет отцовства кипишил, сына хотел, а там у них вон сколько сыновей в больничке бесхозных. Выбирай – не хочу. Покоцанные, правда, чутка.

Он остановился и смотрит на меня.

– Ты дурак, нет?

Я говорю:

– Конечно, дурак. Интересно – в кого только.

Он усмехнулся так криво и головой покачал:

– Ну, уж по-всякому не в Тагира.

После этого до самого дома мы с ним уже не разговаривали.

* * *

Отца я впервые увидел, когда мне исполнилось семь. До этого был чеченец Тагир. Как так получилось и откуда он возник между отцом и отцом – мама никогда не говорила. Мы с братом тоже особо не спрашивали. Тагиром нельзя было не восхищаться, невозможно было не любить его, а когда кого-нибудь любишь, разве будешь спрашивать – откуда ты взялся?

Когда вернулся отец, Тагир, не сказав ни слова, просто встал и ушел. Он всегда так поступал. Твердо и ясно. И бесповоротно. Сколько я его потом ни искал – бесполезно. Никакой ниндзя так не исчезает. Хоть обычный ниндзя, хоть черепашка. У нас с братом их игрушечных три штуки было. Тоже пропадали время от времени. То Рафаэль, то Микеланджело. Но потом обязательно находились. А тут – ни в какую.

И вот сегодня в госпитале вдруг Тагир. Идет по коридору навстречу такой, улыбается. Я думал – это мне от боли показалось. Или от их колес. Но нет, ни фиги. Обнял меня осторожно и даже отцу руку пожал. Сказал: «После перевязки зайди ко мне в палату».

А я не зашел. Товарищ капитан не пустил.

– Ты это, – заговорил он на подходе к дому. – Мне-то ладно про свой огнестрел пургу гонишь, а вот с Николаевной как разойдешься? Думаешь, она поведется на твой прогон насчет ружья у друга на даче?

Здесь он был прав. Меня и самого это напрягало по дороге из госпиталя. Потому что с Николаевной лучше было не шутить. Правда о том, что произошло, разумеется, исключалась, а любой развод она выкупала на раз. Серьезные дяди из фильмов про ЦРУ должны были толкаться не у себя в Лэнгли, а у нас на лестничной клетке, чтобы заманить ее на работу. Никакой детектор лжи им больше бы не понадобился. Датчики, психологи, аналитики – все это детский лепет по сравнению с ней. У Николаевны был нюх. Она отличала вранье по запаху. Так что здесь получалась испанская вилка. Правду сказать было нельзя, а соврать невозможно.

– Намутим чего-нибудь, – сказал я товарищу капитану, входя в подъезд. – Ты главное води себя поестественней.

Отец кивнул и зашагал следом за мной по ступеням. Первым в квартиру он заходить не хотел.

После семилетнего своего отсутствия и безраздельного царствования Николаевны в нашей с братом жизни он не то чтобы опасался ее, но предпочитал избегать спорных моментов. С ней считались не только у нас во дворе. В принципе, весь Рабочий городок знал, что ее лучше не тревожить.

Николаевна, Бабуля, Большая Ба – званий на районе у нее хватало, и каждое из них она несла с гораздо большим достоинством, чем товарищ капитан свои звездочки. Габаритов она была самых минимальных, чуть более полутора метров от пола, но «Большую Ба» никогда не принимала за насмешку. Во-первых, легкая ирония в Ростове – это признак настоящей любви и всеобщего уважения, а во-вторых, там внутри своего крошечного тела она была настоящий

гигант. Геракл старушечьего царства. Разница между видимым и невидимым в ней легко могла ввести в заблуждение неосторожного бедолагу, и тогда участь его становилась плачевной.

Лет пять или шесть назад Николаевна увидела однажды с балкона, как троица местных упырьков потащила за гаражи свою четырнадцатилетнюю ровесницу из соседнего дома. При этом намерения у них были явно не детские. Бабуля с ходу прихватила толкушку для пюре и уже через пару минут расколотила ею лицо одного из любознательных сластолюбцев в кровавое месиво. Ее метод заключался в отказе от всяких прелюдий. Она никогда не кричала, не угрожала, не предупреждала и не пыталась удержать злодея от того, что он задумал. Она просто появлялась из ниоткуда, а затем сильно и точно била в лицо. Как Бэтмен, но только с толкушкой. И это производило впечатление.

Когда тем же вечером мамаша бедолаги нагрянула к нам с жесткой предьявой, Николаевна, успевшая настрять блинов для нас с братом и для обиженной девчонки, сначала приняла ее всем сердцем. Она не сразу поняла, кто это. А когда разобралась, прихватила за обесцвеченную химку обеими руками в муке и стала тягать по прихожей из стороны в сторону, приговаривая: «Это ты, значит, сучка, такую тварь на свет родила».

Тем и закончилось. Посрамленная защитница упырька забыла о своих предьявах и думала, как бы самой отойти без потерь, а мы втроем стояли на пороге кухни, глазели на этих титанов рестлинга, и в руках у каждого из нас был самый вкусный в Ростове блин – у меня с медом, у брата с маслом, а у девчонки с малиновым вареньем. От масла и меда, она сказала, ее пучит.

Короче, правду насчет моего простреленного плеча Николаевне говорить было нельзя. Она бы немедленно отправилась восстанавливать справедливость, и это кончилось бы неизвестно чем. Вернее, известно чем, но от этого на сердце становилось совсем тревожно. Врать тоже не имело смысла. Тупняк с Большой Ба не прокатывал. Оставалось одно.

Надо было сделать, как она любит.

* * *

Ноябрь 2016, Дортмунд

Аэропорт оказался почти пустым. То ли Шумахер мой перестарался, и мы приехали слишком рано, то ли немцы по ночам очкуют летать. В любом случае до посадки на рейс особо занять себя было нечем, и я снова соскочил мыслями на Майку. Если бы не она, плечо мне тогда в девяностых скорее всего бы не прострелили.

В кафе негромко играла песенка «Мэкки-нож» на немецком. Забавно, как американцы отжимают по всему миру зачетные ништяки и присваивают их себе – будто там и лежало. Изначально-то эта вещь действительно звучала по-немецки. Ее, сука, придумали на немецком языке. А вот теперь – нет. Сплошной Луи Армстронг.

И немчура в полете.

– С вас восемь евро пятьдесят центов, – по-русски сказал мне официант почти без акцента.

Умеют они нашего брата определить.

Николаевна эту музыку очень любила. Когда вручила мне дедовский аккордеон, хотела, чтобы я непременно зонги из «Трехгрошовой» научился играть. А на улице – лето. И занавеска на балконной двери пузырем. И мне десять лет. Пацаны под балконом орут: «Толян! Выходи!» Но я, сука, разучиваю Курта Вайля. Бабуля со своим недреманным оком сидит рядом, и ее нисколько не парит, что там за жизнь происходит во дворе. Все правильно – это ведь не ей кричат. Я жму на клавиши с надеждой, что они отвалятся, и думаю: «Блин, когда же ты помрешь?» А она в ответ на мои мысли: «Толик, у тебя всегда будет в жизни кусок хлеба».

Натерпелась в Киеве во время войны. Наголодалась.

Ну и повидала, конечно, там всякого. Но меня все равно немецкую музыку заставляла разучивать. Простила, видимо, немцам. Хотя, может быть, «Трехгрошовую» она любила именно из-за того, чего навидалась под ними в Киеве. Понятно, что бандитам и жульбанам в тот момент было самое раздолье. Прессануть немчуру и тех, кто вокруг них терся, получалось вроде как доброе дело. Хочешь не хочешь, а вот ты уже и герой для Родины. Отсюда романтический ореол, блатная романтика. Да тут еще и музыку про бандитов знатную этот самый Курт Вайль написал. Хоть и немец. Вот и попал Толик.

Сиди разучивай «Мэкки-нож».

Большая Ба, вообще, могла стать зачетным энси. И на районе она была не одна такая. Если кто хоть раз бывал на ростовском рынке, тот знает, что здесь у каждой бабушки свой флоу. Эминем – не Эминем, Тупак – не Ту-пак, но нынешний рэперский молодняк любая бабуля с Ростова легко может задвинуть. У них, в отличие от этих глупых пацанчиков, есть вполне конкретная цель – продать тебе не жменью семян, за которыми ты заскочил, а ведро яблок, да мешок капусты в придачу. И поэтому у них такой флоу, что только в путь.

Очарованная бандитами своей лихой киевской юности, моя энси Бабуля придумала для меня отморозка Пистолетто. Те ее жульбаны, прессовавшие в свои времена фашистов, ходили только с карманными стволами, и эти волюны крепко засели у нее в памяти. Так или иначе, но любой мой трек от лица балбеса Пистолетто Большая Ба всегда ждала и слушала с особым вниманием. Он ей нравился, этот дуралей. Особенно если у меня получалось круто. В этом смысле Пистолетто меня выручал не раз. Суровое сердце Николаевны таяло от его бандитских историй.

* * *

Май 1996, Ростов-на-Дону

Короче, в подъезд мой товарищ капитан вошел с подстреленным Бустером – и даже не с Бустером, а с Бустером Хрю, потому что в комнате у меня круглый год был настоящий сви-нарник, – но вот на площадку нашего этажа он поднялся уже с комментатором Пистолетто. Во всей его, сука, красе. И красавчик Пистолетто готов был все откомментировать. Мутация ломанула быстрее, чем у сэнсэя Хамато Йоши, когда он превратился в могучую и мудрую крысу по имени Сплинтер. И никаких мутагенов не понадобилось. Жаль только, что товарищ капитан не стал черепашкой-ниндзя. Так бы мы вообще зажгли.

Хотя и без этого получилось нехило. Пистолетто умный, Пистолетто все грамотно изложил. Разложил как в магазине по полочкам. Начал тонко, сделал тактический заход. Рассказал про белый «мерс», из-за которого на районе уже не одного крутого пацана положили. Потому что какому решале не захочется решать свои вопросы в такой тачке? Ясно же – всем захочется. Вот и везут на кладбище этих решал одного за другим. А на «мерсе» дырки латают. Но тачила от этого еще круче в цене. Хочешь уважения на районе – поймей белый «мерс». Вот и носится смерть по Ростову – белая, красивая, как океанский пароход. Сядь в нее – и умчит, куда белый кит не уносил капитана Ахава. При этом среди пацанов помельче тоже волнение. Стволов пока нет, чтобы принять участие, но на минутку присесть хотя бы в это белое чудо желание сильное имеется.

И Пистолетто присел.

Потому что вся компания – и Жора, и Банкок, и даже Кунэ – в один голос кричала, будто у «мерса» имеется особая сила. Кунг-фу, может, и не овладеешь, но попроще задачи вполне могут решиться. Лавэшка, к примеру, валом пойдет. Или недотрога Полина из музыкалки даст наконец.

Кричать-то они кричали, но присесть в «мерс» у них, сука, яиц не хватило. А Пистолетто – крутой. Пистолетто надо думать о своем положении. И о Полине. Поскольку кто

Полину завалит, у того на районе особый статус. Отсюда и возникло движение. Отсюда и пошел замес.

Пистолетто утречком вышел прогуляться, потому что он заботится о своем здоровье, – и гля, что у нас тут стоит. Прямо у пивной палатки. Как ни в чем не бывало. Как будто оно так и надо. Правильно – это ростовский Моби Дик. Белый кит Рабочего городка. А в нем у нас кто? А в нем у нас никого. Экипаж покинул судно по своим срочным экипажным делам. Ну и на здоровье. Нам надо-то всего пять минут. Нам даже четыре хватит.

Пистолетто тянет за ручку – и шо? Задняя дверь открывается. Прямо как в сказке про ту девчушку, которой дали погонять тыкву вместо кареты, а до этого случая масть ей совсем не шла. Пистолетто садится на роскошную кожу. Пистолетто вдыхает запах правильной жизни. Пистолетто доволен. Сейчас он зарядится нужной энергией, как те банки с водой, что заряжает из телевизора добрый доктор Алан Чумак. И тогда – держись, Полина.

Но что мы имеем вместо хорошей и полезной энергии? Двух симпатичных крепких братков, залитых в тугой «Адидас». И по их виду понятно, что Пистолетто на заднем сиденье в их планы не входит. У них другие задумки.

Они садятся в «мерс» и начинают тереть за какие-то стрелки. Им надо проехать через пост ГАИ, при этом не спалиться со стволами. Пистолетто лежит на полу, покрытом отличным немецким ковриком, и хладнокровно прикидывает свои шансы. Пистолетто умный. Его так просто не возьмешь.

– Братва, – говорит он, появляясь у них за спиной. – Не надо так напрягаться. Пистолетто поможет вам с «плетками». Он пронесет их мимо поста через лес.

Братки слегка бьют Пистолетто, перегибаясь через спинки своих сидений, но это не суть. Главное, что они находят его мысль интересной. И вот Пистолетто мчит в белом «мерсе». И это вовсе не та прокачанная тыква, которая в самый важный момент окажется вдруг голимым бутором. Это гордость немецкого автопрома и всего Рабочего городка. Пистолетто наливается положительными флюидами, как тот сочный фингал, что сияет у него под глазом.

За полкилометра до поста братва высаживает его. С двумя стволами в большом, как портфель, царском барсетосе Пистолетто пробирается через лесополосу. Все идет по плану.

Но вдруг какие-то мрази на убитой «шестерке» вылетают из-за кустов и таранят Пистолетто, как тот бык – несчастного матадора. Пистолетто расстроен. Мрази свалили. Он даже не может ни в кого пострелять. Ему плохо. Лесополоса куда-то плывет. Но Пистолетто – ровный пацан. Он должен дойти по-любому. Даже если не соображает совсем ничего. Пистолетто теперь боксер, которому прилетело. Как наковальней долбанули по тыкве. Не той тыкве, что прокачали для девчушки-лузера, а той, что у Пистолетто обычно работает как часы. Но сейчас почти не работает. Еле-еле соображает. И все же Пистолетто идет.

Он выходит на пост ГАИ, где менты всю юмонают братву на «мерсе». Братки делают ему сигналы бровями, что он, мол, напрасно сюда пришел. Но тыква у Пистолетто теперь совсем плохая. Он улыбается. Он доволен, что нашел своих.

Ментам не нравится внешний вид Пистолетто. Им кажется – он вот-вот помрет. А у себя на посту им жмура не надо. Никто не хочет такой геморрой. Они вызывают «скорую» – пусть лучшие двинет кони у них. Врачи забирают Пистолетто. Братва с тоской смотрит на свой барсетос.

Но «скорая» тоже, оказывается, непростая. Никто ее, конечно, как тыкву, не заколдовал, однако имали в салон напихали достаточно. То есть она только выглядит как «скорая». Ну, пациентов иногда везет для прикрытия. А так – служит средством наживы для главного врача и его подолов. Время-то сложное. Кризис в стране.

И в этот раз, видимо, много везли. Потому что через два или три километра из леса выскакивает та самая убитая «шестерка». А в ней те самые мрази. И хотя они то, что

везут алчные медработники. Но на борту – Пистолетто с барсетосом братвы. И у него свои вопросы к мразям.

«Шестерка» начинает прижимать «скорую» к обочине. Мрази показывают в окошко стволы. Медицина перепугалась и готова отдать товар. Но Пистолетто – ровный пацанчик. Он вынимает обе «плетки» из барсетоса и просит доктора приоткрыть заднюю дверь.

– Только не сильно открывай. А то у меня голова кружится.

И как залудил с обеих рук в лобовуху.

«Шестерку» кидает влево, потом вправо. Потом они начинают ималять в ответ. Пистолетто лунит, пока не кончатся обе обоймы, и тут прямо позади «шестерки» как белое чудо всплывает «мерс». Волны от него раскачивают «жигуль». Тот болтается из стороны в сторону на этих волнах как щепка. Мрази тушуются, машина им очень знакома. К тому же они не в курсе, что братва без стволов. «Шестерка» ныряет в кусты. Пистолетто опять доволен. А простреленное плечо – это ерунда. Заживет как на собаке.

Пока я все это излагал, отец по-тихому свалил на кухню. Ему были непонятны наши с Бабулей приколы. Он не врубался ни в рэп, ни в придуманных людей. Но Николаевна заценила мой фристайл. Причем настолько, что правда ее уже не волновала.

– Запишешь все это? – спросила она, когда я выдохнул «раунд» и замолчал.

– Конечно, Ба. Только поесть дай. Блинчиков охота.

* * *

Ноябрь 2016, Дортмунд

Юля позвонила, когда объявили посадку на рейс.

– Ты знаешь, я все посчитала, – сказала она. – Получилось четыре.

Официант мельком глянул на мою озадаченную рожу и тут же поставил свою тарелочку с деньгами на место.

– Нет, нет, забирайте, – кивнул я ему. – Что четыре?

– Четыре дня. За этот месяц ты провел дома целых четыре дня. Это рекорд.

– Слушай, тут на посадку зовут. Давай утром переговорим. Я прилечу, выспимся – и поговорим... Ну, или не поговорим. Просто забудем об этом.

– Даже когда у твоих музыкантов выходной, ты все равно сидишь на студии.

– Родная, ну вот сейчас реально некогда.

Я шел уже к выходу на посадку. У стойки толпились маленькие пожилые китайцы в ярких панاماх. На хрена им панамы, когда на дворе почти зима, – это была китайская военная тайна.

– Тебе всегда некогда. Дети и вправду скоро будут узнавать тебя только по аватарке в вацапе.

– Слушала наш разговор с Лизой?

– Нет. Она после твоего звонка пришла ко мне в спальню. Очень грустная, между прочим. Никак не могла уснуть.

– А сейчас?

– Сейчас спит.

– Ну и ты ложись. Я к утру буду.

Девушка за стойкой взяла мой посадочный, ловко оторвала корешок и пожелала счастливого пути. В трубе к самолету плотной стеной стояли китайцы.

– Ну что, братва? – сказал я им. – Поехали заселим Россию?

Настроение хотел слегонца подправить. А то приуныл что-то.

Они заулыбались, вежливо закивали, откуда-то спереди донеслась русская речь: «Толя – красавчик!»

Слава Богу, не одни китайцы в Москву летели.

На экране телефона беззвучно засветилось: «Митя».

– Я успел, всё в порядке. Не могу сейчас говорить. Китайские шпионы кругом.

– Толян, у нас тут это... Майкла в полицию увезли.

– Да ты гонишь! За что?!

Я остановился, не дойдя метров пяти до распахнутого самолетного люка.

– Тот чувак кони двинул.

– Какой чувак? При чем здесь Майкл?!

– Чувак, который на сцену запрыгнул в самом конце. Майкл его прижал немного, пока вниз тащил, ну и тот, короче, помер.

– Блин!

– Может, инфаркт... Или еще что. Ты, в общем, лети домой – мы разберемся.

– Да какой лети!

Я развернулся и ломанул против течения к выходу. Китайцы только успевали отскакивать.

* * *

По жизни иногда задумываешься о странных вещах. Причем в самый неподходящий момент. Я возвращался на такси из аэропорта и пытался вспомнить лицо этого заскочившего на сцену немца. Какой он был? Молодой? Старый? На фига его понесло через ограждения? Скорее, все-таки молодой. Старик на сцену не прыгнет.

Под мелькание уличных огней за окном припомнил своих покойничков – тех, кто ушел рано. Не дотянул, не долетел, не допел. К тридцатничку я уже многих подрастерял. Они одно время как сговорились. Чуть не в стаю собрались и двинули куда-то в теплые края. Так-то понятно, конечно, почему это происходит, только жалко, что рано. Работает человек, живет, копошится чего-то, результатов ждет, но насчет плодов зрелого возраста ему говорят – извини, обломись. Урожай вроде поспел, и всё собрали, столы даже накрыли для всех, а вот этих не приглашают. Вам, говорят, на выход.

А хочется ведь всегда пожить. Не завтра, не еще пару дней, не годок – всегда. И желание это кто оспорит?

Желания...

Откуда они вообще берутся? Кто их мутит? Зачем направляет сюда?

Откуда ребенок знает, что на руках ему лучше? Почему он орет, когда его кладут обратно в кровать? Почему нам хочется вечеринок, выпивки, симпатичных людей? Почему нам хочется «Эскалейд»? Кто нам это сказал? Отчего внутри все поет, когда тебе улыбается красотка? Что за фигня? Как это все устроено? Может, вся хитрость в той ломке, которая прижимает, если ты не получаешь желаемого? Может, мы заранее предчувствуем этот кумар? И пытаемся всеми силами избежать его. А в результате – бесконечная гонка за недостижимым.

Сука, как белочки в колесе.

А иногда бывают такие желания, что лучше про них вообще сопеть в тряпочку. Я как-то проговорился с утра на студии:

– В понедельник, – говорю, – очень хочется кого-нибудь убить.

А Майкл такой, ни на секунду не задумавшись:

– Мне всегда хочется кого-нибудь убить. Не только в понедельник.

Ну что тут скажешь? Главное – себе не врет. Как не любить такого?

То есть Майкл хотел не «Кадиллак Эскалейд», не вечеринок, не выпивки, не симпатичных людей. Он хотел убить кого-нибудь.

И, по ходу, у него это опять получилось.

Первым человеком, которого я увидел, войдя в полицейский участок, оказалась Майка. Она сидела в тесном коридорчике и смотрела на меня с таким видом, будто с самого начала знала, чем должен был кончиться мой концерт.

– Прикинь, – сказал я и развел руками. – Вот такая байда... Рейс даже пришлось пропустить.

– Толя, – покачала она головой. – С тобой по-другому и не бывает. У меня этот клуб больше десяти лет. И пока ты не приехал, все было нормально. Даже профессиональные бойцы с тяжелыми травмами выживали.

Но стоило тебе появиться – у меня на балансе труп. Полиция теперь всю печень выест.

– Я, вообще-то, не напрашивался у тебя выступать.

Я даже не знал...

– Что я жива? – закончила за меня Майка. – Ну, уж прости.

Она скрестила на груди руки и отвернулась к серой стене. Из соседнего кабинета вышел Митя. Он хотел что-то сказать, но потом понял по нашим ромам – лучше не надо.

– Весь вечер про тебя думаю, – сказал я, когда он скрылся за дверью, ведущей на улицу. – Ростов вспоминаю.

– А я забыла, – сказала она и посмотрела так, будто ствол на меня навела.

О том, что не позвонил домой, я спохватился гораздо позже. Юля все еще ждала меня с самолета. Или не ждала – не знаю. Может, уже спала. В любом случае я не летел. И об этом надо было сообщить. Звонить я не стал – не хотел будить ее. Решил обойтись вацапом.

«Папа, я придумала тебе новое имя!» Стоило вынуть телефон, и полицейский, сидевший за стеклом в конце тесного коридорчика, погрозил мне пальцем. Я такого не видел уже лет тридцать. Разные бывали угрозы, но вот с этими закончилось лет, наверное, в семь.

Тем не менее, сработало.

– На улицу выйду, – сказал я Мите, который дремал на соседнем стуле.

«Юля, сегодня не прилечу. У нас тут серьезный косяк.

Утром позвоню, все расскажу».

Она не была в сети, когда я начал набирать текст. Однако стоило его отправить, как под ним засветились две синие галочки. Не спала.

– Как не прилетишь? Ты чего? – у нее в голосе действительно никаких следов сна.

– По телефону не могу. Ты почему не спишь?

– Не знаю... Как-то тревожно... Слушай, ты детям обещал. Они тебя утром ждут. Сюрприз приготовили.

– Сюрприз? Какой?

Она помолчала, потом вздохнула:

– Теперь уже неважно.

– Да ладно тебе. Ну, расскажи.

– Обойдешься.

Она отключилась, а я еще с минуту стоял на крыльце полицейского участка, не убирая телефон в карман.

Убрал, когда вышел сонный Митя.

– Короче, сказали, что задерживают на двое суток. До выяснения.

– Вскрытия будут ждать?

– Типа того. Обвинение в убийстве пока не предъявляют.

Я хлопнул его по плечу:

– Ладно, погнали в гостишку. На ментов смотреть уже не могу.

* * *

Май 1996, Ростов-на-Дону

Брат нашел меня в гараже у Вадоса. Брат всегда меня находил. Мы с братом были идеальные братаны. Дополняли друг друга так, что инь и ян от зависти корчились у себя в Китае.

Он – хороший, я – плохой. Он – мамина радость, я – головная боль. Он – опора надежная родителям в старости, я – камень им обоим на шею. Он готовился поступать в институт, меня только что выперли из музыкалки.

Ну, то есть как выперли? Технически я, конечно, сам ушел, но если бы не ушел, они бы накатали заяву в ментовку.

Короче, братишка меня нашел. И я был рад этому, потому что Вадик меня уже задолбал. Выдумал какую-то дурацкую теорию про флоу и стучал в стену гаража баскетбольным мячом.

– Смотри! – орал Купэ. – Вот почему у черных пацанов получается! Я все понял! Правильный рэп – это как баскетбол! Баскетбол и рэп – главные темы у негров. У них флоу плавный как ведение мяча. Смотри – вот так! Они как будто плывут по площадке. И все движения у них – чистый рэп. Понимаешь, Толян? Баскетбол – это реально тема.

– Только у тебя ни хера не плавно выходит, – отвечал я ему. – Ты как урод на костылях. Только с мячом.

– Я подучусь, Толян! Я подучусь – и мы с тобой так зачитаем! Флоу будет козырный!

Он долбанул этим резиновым яйцом в железную стену еще пару раз. Грохнуло как из пушки.

– И штаны, Толян! Глянь!

Он махнул рукой в сторону плаката с пацанами из N.W.A., который висел на гаражной двери:

– У черных рэперов штаны широкие, как трусы у баскетболистов! Говорю тебе – это все связано. Одна тема!

К счастью, тут меня нашел брат. Он всегда меня находит. Мы с ним идеальные братаны.

Купэ сразу пошел курить. Он знает, что мы с братом – как инь и ян. То есть рядом лучше не быть, когда мы вот так не случайно пересекаемся.

Я, кстати, задумывался разок-другой на эту тему и все никак не пойму – с чего китайская братва решила, что инь и ян – это круто? Потому что в один кружок легко вписываются? А кто-нибудь прикидывал – каково им там? Может, они и слиплись там так четко от того, что деваться некуда? Кружок-то, сука, малюсенький.

Короче, от брата я услышал, что если я не говно, то где-то очень рядом. Дома и без моих косяков хватало депресняка. Капитану в части зарплату давно не платили. Все, что он набаржил ракетным топливом в прошлый раз, мы проели две недели назад. Хорошо, никто не взорвался, заправив его горючкой свою тачилу. Хотя, может быть, и взорвался. В любом случае на бандосов подумают – кто еще будет тачки взрывать? Мама давно забросила диплом МГУ под шкаф и торговала йогуртами на рынке «Темерник». Тащила туда каждое утро с улицы Мечникова через полгорода со своей коробкой, чтобы хоть как-то прокормить нас всех. Совокупная пенсия Николаевны с дедом уходила на оплату жилья. И только мы с братом ничего в дом не приносили. Но он собирался поступать в институт. И не приходил домой с простреленным плечом.

– Ты совсем охренел? – спрашивал меня брат.

Справедливый, конечно, гнев – не спорю. Однако и у меня была своя правда.

– Я вписался за пацана.

Аргумент в Ростове сильнееший. Даже брат мой против ничего сказать не сумел.

– За кого?

– За Дёму. Он реально попал.

– За Дёму?! – брат аж присел от возмущения. – Значит, ты все-таки охренел. Это же наркоман конченный. У него по жизни сплошные косяки. Он сам – один большой косяк. А ты за него вписался?!

– Да. И еще раз впишусь, если понадобится. Он мне друг с четвертого класса. Для меня это важно. Мне без разницы, что у него косяки. Я никого не сужу. Кто я такой, чтоб судить? Я, может, сам – чмо последнее. Но помочь могу, когда надо.

Вадос колотит мячом по гаражу снаружи, а мы смотрим друг на друга под этот грохот, пока я не включаю музю, и грохот перекрывается наконец жестким рэпом.

В любой непонятной ситуации врубай Slam от веселых негров из Опух, и настроение поднимется. Пацаны знают, как надо.

Но брату похер на хорошее настроение. Он хочет знать все. А не только как надо.

И я рассказал.

Дёма называется Дёмой, потому что фамилия его Дёмин. Это не суть. Дёма действительно торчит уже давно, и это тоже не суть. У Дёмы есть сестра Майка – вот тут мы уже на пути к сути. Я с ней гонял в прошлом году недолго, потом разбежались. Она бешеная. Дёма тогда уже торчал. Он рано присел на это дело. В Ростове с самого начала девяностых эта тема зазвучала по-жесткому. Башкирский один пацан приезжал недавно, сказал, что у него в городе Салават народ тоже торчит, но не так убивается, как в Ростове. У нас бахаются без башки. Чтоб она сразу за Дон отлетела. И чтоб не найти. Потому что без башки лучше. И без тела. И без паршивого мира вокруг. Все развлечения внутри, как сказал тот башкирский товарищ. Хотя он совсем не башкир, а скорее армянин. Просто живет в Салавате. Семья из Карабаха уехала, когда там все начали друг дружку мочить. Спасибо Горбачеву – давно собирались свалить, но все как-то повода не было. Теперь к нам в Ростов перебраться задумал – поэт, беспредельщик и армянин. Ну и торчок до кучи. Таким у нас место.

Короче, Дёма закумарил. И хорошо, видимо, так закумарил, что жить ему стало невмogu. Но и помирать неохота. И вот он – к барыге. А лавэшечки нет. Была бы – Дёму бы не кумарило. Дёма с лавэшечкой был бы король – слюни, понос, блевота – чистая красота. И никакого кумара. Один кайф.

Но лавандос – по нулям. А кумарит его уже так, что в петлю. Только он сам даже на шею себе ее натянуть не сможет. Не попадет. И барыга ему говорит – а ты сестру приводи. Дёма даже не спросил – зачем. Потому что ему похер – зачем. Главное, он чек получит. В смысле – много чеков.

Майка же не лавэ. Майка покруче будет. На месяц-другой растянуть можно.

В общем, привел. Потом вмазался и загрузил. Сестру жалко стало. Живой все-таки человек. Вот она есть – а вот уже куда-то делась. Хоть и дурная совсем. Фляга свистит, так что в путь. Короче, попёр ко мне. Я ему втащил сперва, а потом задумался. Надо было деваху выручать.

Она, конечно, тот еще подарок, но Дёма – друг, впрягаться по-любому надо.

Погнали к барыге. Сеструху, говорим, давай назад. Мы передумали. А он в ответ – чеки тогда обратно гоните.

Я Дёме говорю – отдай. Он ни в какую. Тем более что один уже себе вкатил. От этого у него настроение, кстати, поправилось. Шутить начал. Девятнадцать, говорит, чеков можем вернуть, если чо. Но Майку обратно целиком подгоняйте. Если не полный комплект, то не надо. За инвалидом уход нужен, туда-сюда, гемор один.

Я ему еще раз вломил. И потом еще немного. Ты, говорю, торчок сраный. Работорговец хренов. Ты понимаешь, сука, чего натворил? Увезут в Чечню – концов не найдем. По-быстрому искать надо. Пока она здесь.

Потому что в Ростове только глухой не слышал про ментовские узики на городских площадях. Подсадят вечерком человека в машину, а утром он уже в Чечне. Или она. Так что булками надо было шевелить срочно.

Короче, барыгу слегка прессанули, он сказал, куда ехать. Они не любят водопроводных труб. Особенно если внутри те свинцом залиты. Барыги любят лавэ и торчков.

Ехать оказалось недалеко. Хуторок небольшой в сорока минутах езды от Нахичевани. Самый обычный хуторок, ничего примечательного. Это если не сказать хуже. Домишко, сарайчик, пустой загон для скота. По двору старые инструменты разбросаны – лопаты там, грабли, чего еще. Хуторок-зомби. Все вроде повымерли, но нет-нет что-нибудь шевельнется. После Горбачева таких дохлых местечек в донской степи стало немерено.

Дёма сразу к хате пошел, а я ему – погоди-ка, надо бы оглядеться. Странно все это.

Он мне – чего тут странного? Обычный колхоз.

Я говорю – ты много колхозников знаешь, которые с барыгами мутят? Да еще девчонок у них забирают, полученных за наркоту.

Дёма говорит – нет, не много. Вообще, если честно, не знаю таких. У меня с колхозниками мало общего. В детстве только. Когда к бабушке ездил.

Вот – я ему говорю – тогда и заткнись.

Дёма заткнулся, и мы минут пять смотрели из-за сарайчика на хату. Никто не входил, не выходил. Окна занавешены. Барыга, конечно, мог назло нам дать первый попавшийся адрес. Но, с другой стороны, мы ведь знали точку, где он барыжит. Куда бы он от нас делся? И он про это отлично знал. А терять поставленный бизнес из-за двадцати жалких чеков – он же не дебил совсем. Где торчки потом будут его искать? К другим барыгам уйдут. Свободный рынок. Всё, как толкует Чубайс.

Короче, Дёма соскучился и стал заявлять, что ему надо срочно вмазаться. Я задумал ему втащить, но тут из хаты показался колхозник. Поссать вышел. Весь такой в «Адидасе» белом и с «плеткой» под мышкой. Знатная кобура у его «тэтэхи» была. Как у цэрэушников из тех фильмов, на которых мы лет пять назад в видеосалонах залипали. Настоящий колхозник. Ни дать ни взять.

Я говорю Дёме – надо маневр отвлекающий предпринять. А когда из хаты все выбегут – Майку хватаем и бежим на шоссе. Там машин много, эти упыри на людях убивать не станут.

Дёма мой план в общих чертах одобрил, только насчет маневра засомневался.

Я – говорит – свою жопу подставлять опасуюсь. Насчет Майки – это надо еще понять, насколько она ценна.

Я ему отвечаю – не ссы. Ничего подставлять не придется. Дед мой зря, что ли, воевал?

Он говорит – а при чем здесь дед?

Я говорю – да при том.

Дед мой Великую Отечественную прошел в артиллерийском дивизионе. Поэтому я вырос под рассказы об артподготовках, дивизионных гаубицах и прочем огне по площадям. Сейчас пригодились история про специальных солдат, которым перед стрельбой выдавали по бутылке бензина и приказывали отползти подальше в кусты. Одновременно с выстрелом орудия каждый из этих пацанов набирал в рот немножко топлива и прыскал им в воздух, поджигая свой плевок – типа факир в цирке. Немцы думали, что стрельнула пушка, и лупили соответственно по этим местам. Важно было свалить сразу.

В детстве я часто представлял себя на месте этих солдат – как чешу со всех ног из-под вражеского огня. Вот теперь можно было замутить похожую тему.

Поэтому говорю Дёме – давай сарай подожжем. Возражений с его стороны не последовало.

Бензинчик там же нашелся. В канистре прямо у сарая стоял. «Колхозники», по ходу, для своих «тракторов» его под рукой держали. Хотя тачки во дворе ни одной не было. Разъехались по «колхозным» делам.

Братва выбежала из хаты, когда занялась крыша. Горело красиво. Внутри, видимо, хранили сено.

Пока они метались по двору, я по-тихому зашел за дом и стал заглядывать в окна. Дёма пыхтел за спиной.

Во втором окне увидели Майку. На заложницу она не тянула. Смотрела видик, развалившись на огромном диване, и лупила сникерс. Пожар был ей до лампочки.

Нормально – говорю Дёме – устроилась. Ты в следующий раз меня к барыге vedi. Если тут сникерсами кормят.

Короче, в окно затарабанили, начали ей махать. Открой, мол, разговор есть.

Майка открывает.

Чего – говорит – лохи, колотите? Я «Греческую смоковницу» смотрю.

Мы ей объяснили, что надо валить и что плен ее закончен. А она ни в какую. Говорит – мне досмотреть надо. Там самое интересное место.

Пока спорили с ней, браток в комнату зашел. Огнетушитель искал, наверно. Мы подорвались как черти валить оттуда, но он из «плетки» своей в открытое окошко начал шмалять и с третьего раза в меня попал. Прострелил руку.

На стрельбу товарищи его собрались. Причем так быстро, что мы с Дёмой не только до шоссе – мы до кустов ближайших добежать не успели. Спортсменами были эти «колхозники» – сто пудов.

Слово за слово, пришлось им все рассказать. Жить-то хочется. А тут еще дым этот странный. От него вообще на душе так легко стало. Говорливо так, весело. Знакомый, короче, дым. Который и сладок, и приятен.

Они нас выслушали и говорят – вы нам шмали целый сарай сожгли. Чуете, чем пахнет? То есть отвечать надо. Кто конкретно поджег? Чья была такая идея?

Я уж хотел признаться и со страху думал затереть им про гаубичных пацанов, надеялся, что хоть как-то поможет, но Дёма вдруг вписался и взял весь косяк на себя. Они сказали – хорошо, а потом два раза ударили его по голове битой. Сильно ударили, так что у Дёмы там что-то хлопнуло. Сначала звонкий такой получился звук, как по деревяшке, а на второй раз уже хлопнуло. Ну и Дёма затих. Кровь там вокруг, все дела. Лежит посреди двора, руки худющие.

Я думаю – вот и пиздец. А они говорят – расклад, короче, такой. Товара там было на двадцать штук зеленью. Плюс помещение кое-что стоило. Еще куртку там кожаную один из них утром забыл. И кроссовки. Плюс моральный ущерб. В общем, бухгалтерия вышла на полтинник зелени. С выплатой через три месяца.

Я говорю – а чо сразу не стольник? Или дом на Канарах? У меня их до фи́га по всему миру. Вы бы лучше тогда и меня по башке своей дубиной стукнули.

Они говорят – будешь дерзить, стукнем. После этого пригнали с соседнего хутора тачку и повезли Дёму к врачам. Меня не повезли. Руку перемотали и говорят – у тебя огнестрел, сам разбирайся. Нам терки с ментами ни к чему.

Майка с братом в больничку поехала. Она, по ходу, освоилась там с этими спортсменами. А я вернулся в город на попутке, и товарищ капитан отвел меня в военный госпиталь. У него там знакомые оказались. В ментовку насчет огнестрела сообщать не стали. Им похуй.

В общем, брат хотел узнать правду, и я ему рассказал. Было так-то, так-то. Там-то, там-то. Ничего не скрыл. Потому что мы с братом – идеальные братаны.

– А Дёма попал серьезно. Врач сказал – дурачком скорее всего останется. Будет слюни пускать.

– Да-а, – покачал головой брат. – Лютый замес... Мне единственно непонятно – зачем ты вписался?

– Как зачем? – Я удивился даже. – Была же проблема.

– Так это его проблема. Он сам ее создал. Сам во всем виноват.

– И что? Значит, помогать не надо?

– Нет.

– Пиздец у тебя философия! – Я вынул сигарету и закурил.

– Он же конченный наркоман! А ты вон «Моби Дика» читаешь... – Брат схватил со старого кресла толстенную книгу. – На хера тебе этот урод?

– Уродам тоже помогать не надо?

– Пошел в жопу.

– Брат, – я ему сказал. – Ты мне список потом напиши.

– Какой список?

– Ну, список... – Я руками в воздухе показал лист бумаги. – Кому, типа, не помогать. Начало уже есть – уроды и кто виноват. Чо там у тебя дальше?

Он на меня посмотрел, как на последнего долбоеба.

– Дёма сам себе приключений на жопу нашел.

– А ты с понтом такой, что каждый по заслугам от жизни получает?

– Конечно! – он чуть не заорал. – А как, блядь, иначе?! Я, например, строю свою жизнь. Делаю все ровно.

И складывается! Жизнь, брат, отвечает. А этот придурок сам все разьебашил. Своими руками. Ну кто заставлял его колотиться? Он сам упал ниже плинтуса.

– И чо? Простить ему эту хуйню ты не можешь?

– Да не в этом, блядь, дело!

– А в чем?! Думаю – как раз в этом.

Я докурил, потом выглянул из гаража. Вадика нигде не было. Минут пятнадцать уже не слышно было, как он колотит резиновой херней по стене.

– Ты знаешь, братан, – повернулся я к брату. – Скорее всего, ты прав. Но по мне так, наверное, стоит самому ебнуться ниже плинтуса и даже заделаться последним чмом, лишь бы ты мог простить человека... Каким бы говном он при этом ни был... Вот что я думаю, брат.

Мы помолчали немного, послушали тошнотный «Модерн Токинг», бляевший откуда-то из соседних гаражей, и брат собрался домой.

– Ладно, пойду я.

– Давай.

У выхода он задержался:

– Ты бабки-то собираешься возвращать бандитам?

– А куда я денусь?

– Где возьмешь?

– Вообще без понятия.

– Дома таких денег нет.

– Я в курсе, брат. Ты за семью не напрягайся. Я один отвечу.

– Охренеть! – Он покачал головой. – Пятьдесят штук...

– Я помню.

После его ухода почти сразу появился Вадос. Видимо, ждал, когда брат свалит.

– Ну чего там? – спросил я. – У кого есть чо?

– Ни у кого нет, – Вадик пожал плечами и жажнул мячом о стену.

– Хорош! – сказал я ему. – Не кипишуй. Все ништяк. У меня Дёмины щеки остались. Ему они теперь не по приколу.

Вадос обрадовался и полез в ящик за инструментом.

* * *

Ноябрь 2016, Дортмунд

В гостишке меня явно не ждали. Митя затер со смуглой девчулей на ресепшене, а я присел на диванчик. Время ушло уже далеко за полночь, поэтому наша троица напоминала полусонных рыбин в аквариуме круглосуточного супермаркета.

Никто нас не купил.

За стеклянной стеной на ветру курила местная шмара. Дым с ее губ срывался резко, будто отказ. Может, она была и не шмара. Просто устала очень. Когда ткнула окурком в решетку на урне, в темноту по ветру полетели злые искры.

Девчуля за стойкой не хотела давать мой старый номер, но Митя стоял на своем. Он знал мои заморочки, поэтому выхода у девчули не осталось. Иначе им обоим пришлось бы ночевать на улице. И всей администрации отеля в придачу, если она не свалила на ночь домой.

– Все в порядке, – бодро сказал Митя, подходя к диванчику и протягивая мне ключ.

– Да какой, бля, в порядке, – буркнул я и поднялся на ноги.

Митин позитивчик мог слегка заебывать иногда.

Из лифта в дальнем углу фойе выкатилась багажная тележка с чемоданами, которую толкал высокий черный парень. Посмотрев на мою кепку, а потом на толстовку, он улыбнулся и подмигнул. Снаружи тем временем к докурившей шмаре подкатил дорогой лимузин. Она дождалась, пока водитель выйдет и откроет перед ней заднюю дверцу, а черный парень начал закидывать ее баулы в багажник. По ходу, шмара все-таки была не совсем шмара. Но меня это уже никак не парило. Я очень, очень – я, сука, смертельно устал.

Проснулся наутро под душем. Не в том смысле, что там и спал, а просто ночь проскочила как в детстве. Пролетела как лютый невидимый экспресс. Когда носом в подушку, и не успеешь глаза прикрыть – в комнате уже солнце. Причем так прилично херачит. Прямо в бубен. Штору-то задернуть никому в голову не пришлось.

Короче, проснулся в душе. Или в душé. Потому что тело просыпаться не собиралось. Вяло шевелило ручонками, нащупывало шампунь. Пока оно косило под живой организм, я стал думать о брате. Николаевна загружала нас в ванну всегда сразу двоих. Экономила дорожее по тем временам импортное мыло и свое время. Шоркала нас одной мочалкой, пела чего-нибудь, смеялась, когда мы ныли, что глаза щиплет. Потом перестала. Не то чтобы это мы вдруг выросли – просто товарищ капитан объявился.

И он сказал, что мужикам в одной ванне сидеть западло.

Я немного поспорил, а брат не стал. Хотя спорщик он знатный. Помню, первый раз мы с ним по-настоящему сцепились, когда я у нас в комнате плакат Wu-Tang на дверь повесил. Брат всегда топил за русский рок. «Мы вместе», «Скованные одной цепью», «Требуют наши сердца» – вот эта вся тема. А тут негрылы страшные, с бандитскими рожами. Если и скованы цепью, то полюбак – золотой, причем толщиной в два пальца. Ни тебе социальной ответственности, ни гражданской позиции.

Один голимый нагляк, борзота и уличные понты.

Брат на них тогда посмотрел и говорит – в топку негров. Я ему отвечаю – чо за расизм? И пошло у нас слово за слово. Чуть не подрались. Для меня по тем временам черная гангста-тема стояла весьма актуально. Пацаны, терки, держим ответ за себя. Я же видел, как все вокруг погибаются, как родители наши погибаются, и как это государство кинуло разом всех. Но брат во всю эту пургу насчет того, что «мы вместе», почему-то верил. Ему не казалось, что каждый должен быть за себя. Чего-то он ждал от общества. А я быстро понял – рассчитывать можно только на свои силы. На себя и на самых близких друзей. Пацаны не кинут, чего бы там ни случилось. Каких бы косяков ты ни сотворил. А государство тебе только погоня может наце-

пить и в мясорубку засунуть, в которой что офицер, что чеченец с ножом – один для парнишки конец. Печальный.

– Играть надо только в свою игру, – сказал я тогда брату. – В свою. Во всех остальных раскладах посторонний дядя тобой играет. Услышь меня, брат. Моя игра – вот что важно.

В голове у меня сам собой зазвучал старый трек. Чтобы приглушить его, я открыл душ на полную, и ровный напористый шум воды слегка растворил родной биток. Впрочем, уже через пару секунд бит усилился. Но теперь он звучал не только в голове.

Я закрыл воду и прислушался. У меня в номере кто-то долбил годный битбокс. И даже не просто годный. Битбокс был топчик.

Я открыл дверь и высунул голову. Рядом с кроватью спиной ко мне стоял какой-то черный парень. Судя по прикиду, работник рум-сервиса. Он отбивал ритм ладонями по своей тележке с гостиничными ништяками, делал битбокс, пританцовывал и временами давал нехилую такую партию духовых. Труба у него получалась просто сказочная. Я такой трубы не слышал даже у Артур Семеныча, который в нашей ростовской музыкалке уверял всех учеников, что дудит не хуже Луи Армстронга. Причем у этого парня из немецкой гостишки никакой трубы в руках не было. Ну и хип-хопчик он давал будь здоров.

Чем он был занят у меня в номере – мне как-то сразу стало по барабану. Может, прибраться зашел или не в курсе был, что я вчера не съехал. А может, спиздить надумал чего – я хэээ, какие у них правила. Но годнота, которую он прогонял, была, сука, очень годной. Я не удержался и подхватил.

«А теперь гульбарим всем оркестром!»

Парень обернулся. Это был тот самый братишка, что вчера ночью подмигнул мне в фойе. Он светанул широкой улыбкой, а я показал ему большой палец. По ходу, у него каждый день в пустых номерах вылезали из ванной комнаты голые люди в полотенце, чтобы подолбить с ним битбокс. Во всяком случае, он не удивился. Или просто не хотел потерять свой фантастический ритм. На самом деле это была бомба. Мы сделали с ним такую штуку, от какой у любого зала, у любой толпы унесло бы башню. Это было от души.

Он засмеялся, когда закончил свой бой, потом чуть присел, раскинул руки и показал ими обеими на меня.

– Нет, это ты крутой, – сказал я ему. – Братуха, реально можешь.

Он залопотал что-то на немецком, полез в карман своей курточки и протянул мне таблетку. Самым ценным поделился, что у него было. На сияющей роже написано – от сердца, братан.

Я смотрю на его огромную розовую ладонь, на таблетку, и она там лежит вся такая белая. Уютная, как девчуля спросонья.

Вкусняшка.

– Не, брат. Я уже не по этой теме.

* * *

– Ты чего такой веселый? – спросил Митя за завтраком.

– Настроение хорошее. Сегодня по городу погуляем, а завтра Майкла вытаскивать будем. Жалко, конечно, что выходной, но хотя бы город посмотрим. А то никогда ведь не получается. Ни Гамбурга, ни Ганновера не помню. Одни только залы видел да гостишки. Ты как? Метнулся уже по окрестностям? Есть чего посмотреть? День изломать – как говаривал Достоевский.

Митя покачал головой:

– Я из отеля не выходил.

– А чего?.. М-м-м, вот эту шнягу попробуй. Дико вкусная тема.

– Я свинину не ем.

- А, ну да... – Я не удержался и подмигнул ему. – Шолом тебе, братка. Где все остальные?
- Домой улетели. Я с утра уже всех отправил. Тебе тоже новый билет купил.
- На какое число?
- Сегодня вечером рейс.

Я перестал жевать. Митя усиленно делал вид, что режет омлет и поэтому не может смотреть на меня. Очень занят.

– В смысле – сегодня вечером? Нам же с Майклом надо вопрос решать. Я специально остался.

– Слушай, Толя... – Митя вдруг как-то засуетился. – Давай я сам тут один все решу. Завтра найду юристов, с местными адвокатами свяжусь. Я разрулю. Ты возвращайся домой. У тебя через два дня переговоры... Насчет «Олимпийского».

– Да какой «Олимпийский»? Ты совсем попутал? У меня человек в беду попал – а я сяду в самолет и улечу?

– Толя... – Митя собрался с духом. – Так будет лучше. Пока шум не поднялся. Ни блогеры, ни журналисты еще ничего не знают. А если ты останешься, по-любому причина всплывет. Им только дай повод... Толя, пожалуйста...

Он смотрел на меня так умильно, как будто Смешарику задумал вдуть. Явно чего-то недоговаривал.

– Митя, ты кончай свои еврейские штучки. Говори прямо.

– Толя, я прямо говорю – это плохой пиар.

Я отодвинул свою тарелку, отнял у него нож с вилок и крепко так взял за локоть.

– Тебе Юля звонила?

Он как на стену налетел. Тык-мык, а ехать-то дальше некуда.

Но все же попробовал обрулить:

– Толя, ты здесь не нужен. Твое присутствие ничего не решает.

– Я говорю – тебе Юля звонила?

Тоном ниже сказал. Чтоб дошло.

– Ну да... – Он обмяк. – Звонила.

– И чего говорит?

Митя поерзал.

– Она беспокоится.

– Да ладно. А почему не мне звонит, а тебе?

– Ну... Видимо, не хотела тревожить. Чтобы ты выспался.

– Не гони.

– Толя! Я не знаю, почему она тебе не звонила.

– Да ты чо?

– Seriously!

– И сколько раз она тебя набрала?

– Три.

– Харэ врать.

– Семь.

– Всю ночь кошмарила?

– Нет, только утром.

– Митя!

– Ну... и еще пару раз ночью... Или четыре.

Я отпустил его локоть. Догадка моя была из самых неприятных.

– Она решила, что у меня срыв?

– Толя, это абсолютно ваши дела...

– Хорош, Митя!

Он помолчал, снова взял со стола свою вилку и поковырялся в остывшем омлете.

– Ну, типа, да.

– Блин...

В принципе, я его понимал. Оказаться меж двух огней – то еще удовольствие. Он ведь и с Юлей не хотел портить отношения. А от меня полностью зависел.

– Ладно, я полечу.

– Толя, ты за Майкла не беспокойся, – оживился он. – Я уже сделал пару-тройку звонков. Выдернем под залог. Мне кажется, у них тут как в Штатах. А судиться будем из дома, если что. Найдем представителей, они будут ходить по судам.

– Значит, она решила, что это срыв...

Митя промолчал и налег на еду.

– Ты знаешь, – сказал я через минуту этого нашего молчания. – Иногда бывает обидно.

– Толя, я все понимаю...

– Да погоди ты, не кипишуй.

Митя с готовностью вернулся к трапезе. Быстро допёр, что лучше помалкивать.

– Историю одну хочу рассказать. Поучительную. Со мной лично произошла.

Я сходил за новым беконом и продолжил:

– У меня в детстве чеченец отцом был, а потом исчез. И вместо него появился натуральный отец. Который от природы. Но мы с братом любили чеченца. Поэтому начали кипиш. Батя в ответку с нами завоевал. Он же военный. Пару раз досталось нам от души. Ну, и мы впряглись по полной. Короче, бабуля решила этот шалман прекратить и отвела нас в церковь – на службе помогать, то да сё. Батюшка, говорит, там добрый. Ну, и покормит. Оказался действительно добрый. Яблоки нам давал, орехи. Слова про отцов говорил хорошие. Работой не загружал. Кормили нас там при церкви. По тем временам – большое дело. Жрать, Митя, иногда хотелось очень сильно. Я помню, чуть позже, когда мне уже десять лет исполнилось, мечтал на Новый год похавать жареной картошки с мясом. Реально мечтал. Даже письмо Деду Морозу накатал. Но он, по ходу, их не читает. Или проебал мое письмецо, старый, где-то в своей Лапландии. Короче, вписались мы с братом в этой церкви в движуху. Одежду церковную нам выдали – помогаем. И тут в какой-то момент прибил к храму старый рецидивист. Душегуб – не душегуб, но вор конкретный. Не одна ходка у него была. Синим забит от плеч до пяток. Мы по его татухам не только живопись – мы философию изучали. Столько там красивых мыслей кто-то набил. Царские вензеля. А дядька он добрый. Попросишь его эту красоту показать – он сразу рубаху задирает. Ну и рассказывал хорошо. В общем, сдружились. Но тут вдруг в церкви утварь пропала. Серебряное кое-что и золотишко по мелочи. Никто этому мужику особых предьяв не кинул, а вот отношение изменилось. Недоверие возникло. И, короче, мужик запереживал. То с батюшкой пытался поговорить, то с дьяконом. Они-то еще отвечали, а старушки при церкви – те просто шипели в ответ. В общем, терпел он, терпел, а потом как-то раз ушел со службы домой, привязал на балконе веревку и повесился.

Слушавший до этого совершенно спокойно Митя перестал жевать и уставился на меня с раскрытым ртом.

– Да ладно, – выдавил наконец он. – Прямо повесился?

Я захохотал и хлопнул рукой по столу.

– Нет, конечно. Просто отправил всех на хуй и ушел. Обидно иногда бывает, я ж тебе говорю. Когда не верят.

Вернувшись в номер, я покидал вещи в сумку, чтобы вечером не собираться, и на всякий случай проверил паспорт. В кармане куртки его не оказалось. Не было и в других местах. Паспорт, сука, пропал.

Я хотел сразу набрать Юлю, но, открыв контакты, остановился.

Она не поверит.

Я бы сам не поверил, если уж на то пошло.

* * *

Май 1996, Ростов-на-Дону

План был простой, как пионерская песня, и такой же задорный. В короткие сроки предстояло собрать пятьдесят тысяч долларов для бандосов, у которых мы с Дёмой пожгли шмаль. Единственное, что оставалось непонятным, – как.

Жора предлагал кого-нибудь развести, Банкок – ограбить, а Майка продвигала тему с клофелином. У каждого из них был свой подход к жизни, поэтому в итоге все просто переругались. Жора любил мутить мутки. Силовое решение казалось ему проявлением тупости. Банкок без конца смотрел азиатские боевики про Триаду, якудзу и Шаолинь. Ему хотелось кого-нибудь отметелить. Майка считала свой метод разумным компромиссом между насилием и аферой. Все сходились на том, что надо кинуть лоха, но где его искать и как с ним работать – тут каждый отстаивал свое решение.

Один Вадик Купэ ничего не отстаивал. Он опять колотил баскетбольным мячом в стену гаража и сочинял новый трек, подбирая рифмы на удары.

– Слушай, хорош, а! – заорала на него в конце концов Майка. – Ты задолбал уже! Мы тут делом заняты, между прочим.

Вадик остановился.

– Это вам только кажется.

– В смысле? – возмутился Жора, который очень ценил свой интеллект и свое время.

– Я вчера хорошо дунул, и мне тоже кое-что показалось, – пояснил Купэ, садясь на свой мяч и покачиваясь на нем как неваляшка. – А сегодня выяснилось, что все туфта. Бутор голимый. Так и у вас. Орете много, а толку никакого не будет. Потому что все чепуха. Вообще все на свете.

– Гонит, – кратко подытожил Банкок.

– Может, и гоню. Тока у меня доказательство есть.

Вадос вытащил из кармана какую-то мятую бумажку и помахал ею, чуть не свалившись со своего мяча.

– Вот оно. Тут все написано.

Я подошел к нему и взял бумажку. Там было всего два слова.

– Ну? – сказал я.

– Чего «ну»? – откликнулся Вадик. – Я ж тебе говорю, дунул вчера солидно, и мне такое вдруг открылось, что я офигел. Я все про жизнь понял. В одну секунду вообще все. Как чего устроено, как все вертится, почему что происходит. И главное – все было так ясно, отчетливо так. Весь мир у меня на ладони, прикинь. И я такой, типа, бог.

– Я понял. Ты к чему клонишь?

– Да к тому, что я решил это все записать. Штоб не забыть, когда отпустит. И записал.

Купэ уныло махнул рукой на свою бумажку.

– Чо у него там? – вытянула шею Майка, сидевшая в кресле у дальней стены. – Засвети. Я протянул ей послание Вадоса. Там было два слова: «Снег – белый».

– Пипец, – помотала головой она. – Философ, блин. Лучше бы насчет лавэ подсказал.

– Насчет бабосиков – это надо было вчера суетиться, – вздохнул Купэ.

– А чего вчера было?

– Не в курсе, что ли?

– Нет.

– Сметану порезали. И бабла с него немерено сняли.

– Да ладно!

Сметана был тот еще отморозок и поц, но когда режут – любого человека жалко. А тут еще откуда-то бабки.

– Чо за лавэ на нем было? – спросил Банкок. – Скока?

– До фига, – ответил Вадик. – Он тачку хотел брать.

– Тачку?! Сметана?! Да где он столько бабла поднимет?

Почему Сметану звали Сметаной, я не помнил. Клички вообще странным образом прилипают. Вроде есть имя у человека, родители дали, ну, казалось бы, и харэ – и так уже от всех остальных отличить можно. Этот Андрюша, этот Петя, та вон Танюша. Но нет, все как будто ждут чего-то еще – чтобы человек себя конкретно уже проявил, в конкретном поступке. И вот тут рождается его настоящее имя. Которое он сам. Которое он и есть. Без родителей.

Поэтому погоняло, конечно, важнее. Лопата из соседнего двора, например, стал Лопатой, когда проявил себя по-мужски. Его тогда почему-то Майка к себе подпустила, хотя на районе он рассматривался всеми как чмо. Ответить никому не мог, всех боялся. А тут он сидел у нее дома, и как раз приперся Сметана. Но Сметане лень было подниматься, и он стал орать снизу: «Майка, выходи! Засажу тебе!» Повыебываться захотел.

Лопата, который тогда не был еще Лопатой, вышел на балкон – хотя, конечно, боялся, – и отправил Сметану по-жесткому. Тот даже не рассердился, потому что Лопата был полное чмо. Просто крикнул: «И ты выходи! Тебе засажу тоже!»

Лопата спустился во двор, взял стоявшую у подъезда лопату – дворник ее там, по ходу, забыл. Потом подошел к Сметане и со всей дури влупил ему плашмя по ухмыляющемуся еблу. Так он заслужил себе уважение и новое имя. А у Сметаны ебальничек стал слегка плоским.

И вот теперь его кто-то порезал. Да еще с бабками, которых у него не могло быть ни при каком раскладе. Короче, мы насторожились.

– Деньги он у бати своего забрал, – продолжал Вадик. – Тот ему по синьке тачку пообещал подогнать.

– Да ладно! – засмеялась Майка. – За что?

– За хорошие оценки. Сметаниного батю учителя за-долбали. Говорят – сынок-то у вас дебил. А ему, по ходу, обидно стало. Дебила на свет произвел. Ну, и решил Сметану маленько промотивировать. Сказал – тачку куплю. Сдуру сказал. Хотя, может, уверен был, что Сметана не затащит. А Сметана вдруг затащил. Учебники там, конспекты, формулы всякие. Тачку сильно хотел. Ну, и поверил. Учителя хвалить стали. Говорят – а не такой, оказывается, и дебил. Может, когда захочет. В общем, пришел Сметана к отцу. А тот над ним поржал. Как был, говорит, тупой – так тупым и остался. Ну кто тебе тачку подарит? Совсем охуел? Короче, тот еще мастер задней передачи оказался. А бабосы у него реально заныканы были. И Сметана знал, где они лежат. Батя его, беспредельщик, бабкин дом на Нахаловке продал за неделю до этого. Померла недавно. И бабосы дома лежали. Все одно к одному сошлось. В общем, батя его сел телик смотреть, а Сметана взял пневматический молоток, зашел со спины и прихерачил ему ноги к полу гвоздями-сотками.

– Бли-и-и-ин... – протянула Майка и зашипела, как будто это ей гвоздеметом прошили ступни. – На хера?!!

– Чтoб не встал, – спокойно пояснил Вадик. – Думаешь, он отдал бы свои бабосы Сметане? Да хуй-то. Он бы ему башку оторвал. Ты его видела? Полтора центнера веса и ростом почти два метра. Супертяж. Он боксом полжизни занимался.

– Ну? – поторопил его заинтересованный Банкок, всячески обожавший такую жесть. – И чего там дальше? Как он Сметану порезал?

– Да не резал он его. Он же к полу прибит был.

– А кто тогда?

– Какие-то упырьки на Чкаловском. Сметана отцовские бабки прямо за пазуху загрузил, под куртку. Сумки, по ходу, никакой не нашел. Бабла было много. Торчало из-под куртки, на

тротуар падало. А на Чкаловском ночью, сука, как в океане страшно. Сметана, конечно, сдуру туда зашел. Но ему кто-то раньше сказал, что там один кент свою тачку продает. Вот он к нему и держал путь. А тут эти упыри – стоять, бояться! Сделали харакири Сметане. Говорят, аккуратно так разрезали ему живот – от одной до другой бочины.

– Жестка-а-а-ач... – то ли восхищенно, то ли испуганно протянула Майка.

– Ну, – кивнул ей Вадик. – А я вам за что толкую? Короче, насчет бабла – это надо было вчера суетиться. Перехватили бы Сметану до упырьков и просто ему пизды дали. Живой бы сейчас был по крайней мере. И мы при деньгах. А так – ни Сметаны, ни денег.

После того, как Вадик зажестил со своей историей про Сметану, все силовые варианты, предлагаемые Бан-коком, отвалились как-то сами собой. Ненасильственный метод отжима всем показался симпатичней. Жора сиял оттого, что его наконец услышали, и через пару часов мы уже сидели на подоконнике в каком-то левом подъезде.

Когда лох сам тащит тебе бабло, это, конечно, в разы приятней, чем беготня за ним по всему Ростову. Лошки входили время от времени в подъезд, немного шифровались, потом спрашивали «чо, есть чо?», Жора чинно кивал, мы с Вадиком принимали от них лавэшку, а Майка с умным видом уходила «за товаром» на пару этажей вверх. Там она соскребала чутка известки со стен и засыпала ее в пакетики. Угрюмый Банкок придавал веса нашему предприятию, изображая жесткого типá. Без него было бы несолидно.

В перерывах Жора, который придумал всю схему, приставал к Майке, чтобы она заранее наскоблила известки в свои кулечки, но ей было лень. К тому же она считала, что так прикольной.

– Отвянь, – говорила она Жоре, передавая дымящийся косячок Вадик. – Мы же мафия, а не какой-то паршивый кооператив. Ты бы еще тут кассу поставил.

Мы ржали до слез то ли от ее слов, то ли от зачетной дряни, которую Вадик уже сбегал намутил на лоховские бабки, а лошки все шли и шли один за другим, желая хапнуть недорогой известки со стенок в нашем подъезде. Рядом стояла путяга, а хитрожопый Жора цены на наш «товар» установил самые человеческие. По сравнению с реальными барыгами мы брали сущее ничего. Так что все по-честному, без обмана – у волшебника Сулеймана.

Правда, через полчаса Жора посчитал общий доход и прикинул, сколько надо продать известки, чтобы закрыть мой долг бандосам за спаленную шмаль. Выходило, что даже при такой бойкой торговле мы должны были простоять в подъезде около двухсот лет.

– Двести четырнадцать, если совсем точно, – сказал он, заканчивая царапать свои вычисления на стене выше филенки.

– Не успеем, – вздохнул Банкок. – Толяну раньше надо.

– По-любому, – подтвердил я.

– А если только на дурь, то нормально, – блаженно улыбнулся Вадик.

Свое погоняло Купэ он получил за компактные габариты, спортивный вид и добродушный настрой по жизни. Вадик умел располагать к себе.

Финансовый диспут был прерван огромным армянином, который, тяжело отдуваясь, поднимался по лестнице и уже с площадки нижнего этажа стал приглядываться к Банкоку. На нас он тоже поглядывал, но Банкок его интересовал конкретно.

– Палево, – шепнул Вадик. – Сперва его отоварит, потом и всех нас.

– Валим, – так же шепотом ответил я.

Однако свалить мы не успели. Армянин остановился посреди лестничного пролета и закупорил его надежней, чем плотина на Цимлянкой ГЭС.

– Эй, – сказал он, глядя на нашего «охранника». – Ты ведь Банкок?

И Банкок не стал отпираться. Он привык вывозить за базар.

– А шо за тема к Банкоку? – с некоторой даже дерзостью поинтересовался он.

– Тема такая, шо надо договориться.

Армяне в Ростове, хоть и говорят многие с армянским акцентом, «хэкать» и «шокать» стараются наподобие коренных ростовчан. Лютый замес. Этот не был исключением.

– С мамой своей договоришься, – продолжал буровить Банкок. – А мне сейчас некогда. Я на работе.

– Эй, ты погоди, – настаивал армянин. – Возьми перерыв. Мне с тобой дело обсудить надо. Вот тебе.

Он протянул Банкоку десять баксов.

– Теперь у тебя оплаченный перерыв.

Банкок взял десятку и уставился на армянина.

– Подыдемся в квартиру ко мне, – предложил тот. – Один в один потолкуем.

– Один в один ты со своим поцом потолкуешь, – отрезал Банкок. – И то, если он у тебя разговорчивый.

– Ну, не хочешь в квартиру – давай во двор спустимся, – развел руками армянин.

Ему явно не хотелось общаться при нас. А нам-то как раз хотелось. Майка от любопытства спрыгнула с подоконника и, перегнувшись, уже повисла на перилах, чтобы ничего не пропустить.

Банкок молча смотрел на армянина.

– Ну хорошо, – наконец уступил тот. – Здесь так здесь... Ты ведь знаешь моего сына?

– Нет.

– Сева Амбарцумян зовут.

– Нет.

Армянин вздохнул и слегка закатил большие глаза, как бы соглашаясь и на это.

– Вы его называете Хаттаб.

– А-а, Хаттаб... Знаю. Поцеватый такой. – Банкок даже не думал считаться с отцовскими чувствами собеседника.

– Слушай, он не виноват, что не может за себя постоять! – возмутился армянин. – Ему всего двенадцать. Он просто хороший мальчик. Музыку любит.

– Мы все музыку любим, – спокойно ответил Банкок. – Ты шо хотел? Говори свою тему, а то у меня перерыв заканчивается.

Армянин кивнул и вытер блестящий на лбу пот.

– Короче, у меня к тебе вопрос – сколько примерно ты сшибаешь с моего сына за неделю?

Банкок пожал плечами:

– Ну, я не знаю... Их таких много на райончике. Это надо на всех терпил поделить.

– Ну, хотя бы приблизительно.

– Баксов десять... А шо такое?

– Я предлагаю устроить все по-другому.

– Это как?

– Ты получаешь от меня напрямую двадцатку в неделю. Твердая ставка! – Он поднял свой толстый армянский палец как восклицательный знак. – И за эту оплату крышуешь моего сына.

Банкок впервые за весь разговор слегка растерялся и даже обернулся на нас. Подобные предложения ему еще не поступали.

– Крышую... то есть как?.. Типа, по-настоящему?

– Вот именно! Как настоящий взрослый бандит. А я тебе за это отстегиваю. Каждую пятницу. Только чтобы все чинно – никто на районе его больше не трогает. Ходит, где хочет. Денег при себе носит, сколько ему надо. Дополнительная плата с него никем не взимается. Если кто другой решит его прессануть – ты за него вписываешься. Хорошо? Как думаешь – договоримся?

Банкок вопросительно посмотрел на Жору, признавая его первенство в тонких материях, и тот уверенно кивнул.

– Забились, дорогой, – Банкок протянул руку счастливому отцу Хаттаба, и тот с готовностью ее пожал. – Считаю, есть у твоего пацана крыша. Аванс можно сразу за две недели вперед?

Пересчитав связанные со счастливым подъездом доходы, Жора сообщил нам, что с учетом армянской мзды общий срок сбора необходимой суммы сокращается.

– Теперь это двести тринадцать лет.

– Э, погоди, – вмешался Банкок. – Мне вообще-то самому бабки нужны. Я видик хочу купить. Коллекцию Брюса Ли почти всю собрал, а смотреть не на чем. Ты же сам ноешь про то, что я тебя запарил приходить со своими кассетами.

– Это да, – согласился Жора. – После тебя нужно долго проветривать.

– Носки всегда постираны.

– Спорное утверждение.

– Кажись, в ебальничек захотел?

Жора хитро улынулся и принял неизбежное:

– Ну, значит, опять двести четырнадцать. Хотя, подожди-ка...

Он уставился на свои вычисления над филенкой, а потом начал царапать что-то поверх них. Тем временем желающих двинуться вполне доступной по цене качественной ростовской известкой становилось все больше.

В маркетинге Жора знал толк. Шепнув о нашем форпосте нужным пацанам, он обеспечил устойчивый приток клиентуры. Оставалось только понять, когда надо будет свернуться, чтобы не огрести люлей. В принципе, этот момент уже приближался. Пока Жора считал заново, Майка успела сходить наверх два раза.

– Все-таки я ошибся, – отлип, наконец, Жора от стены. – Запятую не там поставил. Поэтому в итоге получилось так много.

– А сколько должно быть в натуре? – спросил Банкок.

– Две целых четырнадцать сотых года.

Банкок на пару сек завис. Моргнув несколько раз, он спросил:

– А четырнадцать сотых года – это сколько?

– В любом случае долго, – махнул испачканной в известке рукой Жора. – Толяну надо быстрее.

– Точняк, – снова согласился я.

Тем более, дурь уже кончилась, и надо было предпринимать что-то еще.

Но тут нас накрыли менты. Входя в подъезд, они, видимо, придержали дверь, и привычного хлопка снизу не долетело. К тому же Банкок отвлекся на Жорину бухгалтерию и позабыл о своих прямых обязанностях – стоять на стрёме. Короче, примерно через минуту после Жориного озарения нас уже приемисто шмонала пара недружелюбных сотрудников. По ходу, Жора все-таки перестарался с маркетингом. Кто-то из его пиар-агентов про нас наступал.

Сам он решил не выяснять причин провала и немедленно сделал вид, что он не с нами. Деловито насвистывая, Жора двинулся навстречу поднимающимся по лестнице ментам, с понтом он живет в этом подъезде, а к этим упырькам между этажами не имеет никакого отношения.

Но утечка, видимо, была мощной. Менты оказались осведомлены не только по месту расположения, но и по количеству «барыг».

– Их пятеро должно быть, – сказал один сотрудник другому, и торопливый Жора был принят первым из нас.

«Поспешешь – людей насмешишь», – любила повторять нам с братом мудрая Николаевна, а я, когда был совсем мелким, ломал голову над ее словами, не улавливая связи между спешкой и юмором.

Теперь стало понятней. Майка хохотала над перебздевшим Жорой так долго, что у нее заболел живот. Трава держала еще будь здоров. Майка то хваталась за пузо, то отталкивала

ментов, которые пытались ее пошмонать, а те, конечно, догадывались, почему она не может остановиться. В итоге она чуть не задохнулась от этой ржаки, но зато у нас ничего не нашли. Шмаль мы, к счастью, всю выкурили, а известка в карманах – ну мало ли какая блажь придет в голову придуркам. Короче, предъявить нам они могли только испарпанную Жорой стенку. Да и то он напирал на то, что мы тут занимаемся самообразованием.

– Я товарищей подтягиваю по алгебре. У меня общественная нагрузка.

Жора умел любую ситуацию обернуть себе в плюс. Даже самую палевную.

Хорошо, что менты не поднялись на пару этажей выше. Майка успела там обскоблить полстены до бетонной панели. Вот это нам уже трудней было бы объяснить. Действительно – на фига нам известка в таких объемах?

Так или иначе, торговлю пришлось свернуть. Сотрудники стояли у подъезда, пока мы не ушли из двора. Банкок предложил занять новый подъезд, чтобы не прерывать развитие бизнеса, но Жора резонно указал на то, что сначала необходима маркетинговая работа.

– Надо же сперва тему по райончику запустить – стоим там-то и там-то. Доза тянет на столько-то. Мы живем в информационную эпоху, май френд.

На «френда» Банкок рассердился и хотел Жоре втащить за все разом – в том числе и за поведение в момент шухера, но Вадик его отговорил.

– Я же предупреждал, – сказал он. – Толку никакого не будет. Все тлен и суета. Надо пойти новой травой затариться. Лавэшки еще до фига. Всем – мир.

Обозначив свою философскую позицию, Вадик ушел, и Жора, опасавшийся в его отсутствие огрести все-таки от Банкока, внес предложение о приостановке коммерческих операций.

– Давайте завтра продолжим. У меня сегодня еще пара важных дел.

Глядя ему в спину, которая удалялась намного быстрее, чем спина Вадика, Банкок задумчиво сказал:

– Может, тогда на Сквозняк? Там уже стопудово народ собрался. Пыхнем, посмотрим, чо к чему.

– Не, братка, – ответил я. – Мне в больничку надо.

– На перевязку?

– Повидаться с одним человеком.

– Ну, давай.

К Тагиру в госпиталь я хотел поехать еще с утра, но отвлекло все вот это. Теперь было самое время. Майка зачем-то увязалась со мной.

* * *

Всю дорогу по Мечникова до Комсомольской она помалкивала, хмурила лоб, а когда проходили мимо памятника на площади, вдруг заговорила о нем.

– Приколись, мне в детстве он казался похожим на огромную шоколадку. Тебе нет? Все время мечтала, чтобы такой вот кусок шоколада подарили.

Пока мы банчили известкой в подъезде, на город пролился отличный дождь, и обелиск теперь блестел как плита из черного льда.

– Ты бы столько не съела, – сказал я.

Она, как всегда, торопилась и шла уже чуть впереди, оборачиваясь время от времени на ходу, чтобы подмигнуть или показать язык. У нее раньше при ходьбе за плечами мотался из стороны в сторону длинный хвост. Рыжий такой был. Как маятник фигачил. Потому что она шла всегда спортивной походкой – быстрой, решительной, дерзкой. Будто атаковала. Но вот теперь почти лысая. Как те пацаны в госпитале. Хотя походка все та же. Только за спиной уже ничего не мотается.

– А еще этот солдат золотой меня реально прикалывал, – не унималась Майка. – Я все думала – ну с хуя ли он в небо смотрит? Вставала рядом и тоже туда смотрела. Надеюсь – может, увижу чего... А сейчас такое ощущение, что его тупо прёт. Тебе не кажется, будто он лишку хапнул?

Она даже остановилась и показала на обелиск обеими руками.

– Он умирает, – ответил я. – Это же солдат. Его убили. Видишь, у него автомат в руке.

– Да вижу я. Жалко, что не полностью нарисовали. Золота им не хватило, что ли?.. Жмотье. Ствол, кстати, зачетный. Хотел бы себе такой?

– Так а то ж, – хмыкнул я. – ППШ кто не хочет? В нем патронов в два раза больше, чем в «калаше». Такую машинку раздобыл – и только в путь. Голодным точно не останешься. Любые мутки мутить можно.

– Насчет мутки, – сказала Майка, когда мы сели на 27-й и поехали вдоль сквера. – Меня эта тема с полтосом для бандюганов уже не греет.

– Соскакиваешь? – усмехнулся я.

– Да мы никогда его не соберем, Толян! Сам посуди. Ну, прикинь чо к чему.

– Короче, сливаешься.

– Да сам ты сливаешься! – она заорала чуть не на весь автобус.

Хорошо, там кроме нас только четверо гопарей на задней площадке терлось, да пара старушек впереди. Гопники до этого над чем-то ржали, а услышав Майку, стали поглядывать в нашу сторону. Бабушки осуждающе завздыхали.

– Ты не ори, – сказал я Майке. – Гопота вон напряглась.

– Да в жопу их! – Она отвернулась к окну.

Автобус уже повернул, и водила втопил по прямой. Молчали мы до самого РИЖТа. Только там, глядя на это странное здание, похожее на Мойдодыра с круглым корытом, она снова заговорила:

– Толик, ну это реально не моя проблема.

– Да?.. Вообще-то, из-за тебя все затеялось.

– С какого перепугу из-за меня?

– С такого.

– Не гони. Это все Дёма виноват.

– Сама не гони. Ежу понятно, что если б ты не захотела, то никогда бы и не поехала к этим бандосам. Дёма тут ни при чем. Он бы тебя в жизни заставить не смог. А если б ты не поехала, ничего бы и не было. Во-первых, мне не пришлось бы вписываться. Во-вторых, сарай со шмалью бы не сгорел. Так что мне-то втирать не надо. Свою тему какую-то, по ходу, мутила.

Поняв, что ее раскололи, Майка скорчила дурацкую рожу. Она всегда так делала, когда чувала за собой косяк. Мы как раз поворачивали, и она привалилась ко мне, как будто это не автобус на ростовской улице повернул, а феррари на гоночном треке.

– Хорош, Майка, – сказал я. – Рука болит.

– Не, ну а чо? – Она ткнула меня кулаком под ребра. – Реально круто могло получиться. Бандиты, заложница – как в кино. Вдруг бы я там нормального пацана встретила. Не такого лошка, как вы все. Взрослого, крутого, серьезного.

– Ага, – кивнул я. – С тачкой, бабками и стволом.

– Вот именно, – Майка вызывающе вздернула подбородок. – У вас-то, лохов, что есть? Ну чем ты можешь себя показать? Кому нужен твой рэп?! Все эти твои негры?!

– Бандиты круче?

– В сто миллионов раз.

– Ты на себя посмотри, – я улыбнулся и покачал головой.

На ней был конкретный рэперский прикид. Широкие штаны, безразмерная футболка. С новой стрижкой она легко канала за парня.

- Да пошел ты... Короче, если бы вы не припёрлись и не спалили тупой сарай...
- Ты бы нашла своего принца, – засмеялся я.

Майка, вообще, была клевая. Трудная, чокнутая, но клевая. Пацаны с Рабочего городка признавали ее прикольной обычных девчонок, и на районе она ходила в уважении. Если кто в этом сомневался, она легко могла и вломить. Лет с пяти, наверное, начала заниматься самбо, а потом – каратэ. Удар у нее был хорош. Я сам пару раз испытал. Хотя с виду, конечно, не скажешь. Николаевна всегда называла ее «дохлятинкой». С любовью называла – не ради чтоб посмеяться. А «дохлятинка» могла так приветить в солнечное сплетение, что приседай не приседай, хер отдышишься.

До своего нового этого прикида с широкими штанами и стриженной головой она гоняла по району в черной косухе с шипами и клепками, в красной мини-юбке и драных колготках в сеточку. Плюс рыжий хвост, который в случае непоняток, разборок и терок летал из стороны в сторону, как нунчаки. Майка могла зарядить этим хвостом как хорошей плеткой. Больно – не больно, но когда тебе в драке прилетает с разворота в рожу такой метлой, да еще хлестко, с оттяжкой, поневоле задумаешься – а за правое ли дело ты стоишь.

- Рэп когда-нибудь будет круче бандитов.

Услышав это, она засмеялась, будто я прогнал уже самые тупые порожняки. Но мне было пофиг.

- По-любому. Сама увидишь.

– Ну, а чего тогда паришься с этим полтосом? – Она продолжала меня жестко выстывать. – Заделайся по-быстрому в звезды, собери бабла. Отличный план, по-моему. Расплатишься с бандюками. Потом продюсеры набегут, от фанатов отбоя не будет. Еще Дёме на лечение подкинешь. Ему теперь долго лекарства будут нужны.

Все сходится, бро. Нужно-то всего пару-тройку суперхитов забабахать. Чтобы весь Ростов подохуел. Ну и Москва до кучи.

- Я забабахаяю.

– Чо-то не слышала от тебя их пока. Третесь на Сквозняке с понтом крутые, а сколько народу вас слушает?

- Пара дебилов в «Дуньке» и столько же в «Парадоксе»?

- Не нужен никому твой рэп.

По факту она, конечно, была права. Если и появлялся рядом кто-нибудь, хотя бы отдаленно похожий на продюсера, то ограничивалось все в итоге одним-двумя выступлениями за сотку баксов или никчемной работой на радио. Но мы не сдавались. Пока не нашли свой комп, Вадик ходил к друзьям типа рубиться в Doom и, дождавшись положенного ему часа, загружал не игру, а музыкальные программы, которые приносил с собой на дискетах. Этой зимой компьютер у нас появился, и мы сутками сидели за ним у Вадика на Нахаловке, не снимая курток, потому что электричества у него в халупе хватало либо на комп, либо на обогреватель. Когда включали то и другое, выбивало пробки. Но рэпчик писался, и хиты были на подходе – мы это чувствовали. Оставалось совсем немного.

- Все будет, – сказал я Майке. – Не ссы.

- Да я особо-то и не ссу, – ответила она мне.

Я еще продолжал убеждать ее рассказами о том, как это круто, когда стоишь на сцене перед толпой, но Майка уже не слушала. На площади 2-й пятилетки она толкнула меня и кивнула в сторону гопников на задней площадке.

- Видал?

- Что? – не понял я, раззадоренный, как павлин-чик, историями о собственной крутизне.

- Они только что вышли и потом снова зашли.

- На хера?

- Тупишь? Они все время на нас смотрят.

Гопота действительно активно шушукалась, кучкуясь и косясь в нашу сторону. За такой прикид, как у нас, на ростовских улицах легко можно было выхватить по самое не балуй. Город у нас широко мыслящий, однако чтущий традиции. Вся эта негритянская тема с рэпом на Дону приживалась непросто.

Когда мы сошли, упырьки выпрыгнули за нами. Сначала они еще держали дистанцию, так что до нас почти не долетали их гнусавые голоса, но стоило свернуть в проулок – и расстояние между нами начало быстро сокращаться. Скоро их смех, сильно напоминавший вопли гиен из передачи «В мире животных», звучал уже практически за спиной.

– С тремя не справлюсь, – предупредил я Майку. – Плечо болит. Можем не вывезти.

– Не ссы, – ответила она негромко. – Ща будет весело.

Она резко остановилась и, прищулив глаза, уставилась на гопников.

– Малой, – пискляво сказал один из них. – Ты можешь валить, а длинный пусть остается.

Побазарить надо.

Они явно приняли Майку за мелкого пацана. Это было нам на руку.

– Ты поаккуратней, – начал я тянуть время в ожидании, пока она зайдет им со спины. –

Приспусти колеса. Вы с кем, вообще?

– Мы с кем надо, – ответил мне тот, что был толще всех.

Майка уже была позади них, а я нагнулся и подхватил здоровой рукой с обочины кусок битого кирпича.

– Обратно положь, – сказал мне толстый.

– Поздн्याчком, братишка, – весело оскалился я. – Что взято, обратно уже не лóжится.

Чего хотели, граждане упыри?

– Ты за базаром следи, – пригрозил мне тот, что заговорил первым.

– А чо ты такой угрюмый? – я держался спиной к забору, чтобы не обошли сзади. –

Поменяйся как-нибудь по-веселому.

– Я вижу, ты борзый, – снова подал голос жирдяй. – Побазарить любишь.

– Так вы же сами хотели общаться, – я засмеялся и подкинул кирпич в руке. – Смотри, он прямо под тебя отлитый. Пуховичок-то снимаешь из-под майки хоть иногда?

Жиробас, осатаневший от моей борзоты, потерял всякую осторожность и неуклюже кинулся вперед. Это был именно тот момент, которого ждала Майка. Про нее гопари уже забыли, и она могла атаковать, как ей удобно. Толстяка она свалила хлестким ударом по ногам сзади, а обернувшемуся его дружку технично провела двоечку. Потом она подпрыгнула как пружинка и зарядила ему с ноги по куполу. Тот рухнул на жиробаса. Третий гопник на секунду застыл, а когда понял, что остался вдруг в одного против нас, развернулся и почесал назад.

Майка склонилась к поверженным и стащила с худого кроссовки.

– Осторожней будь, – сказала она ему. – А то мало ли на кого так нарвешься.

– На фига тебе его кроссы? – спросил я, когда мы подошли на КПП, рядом с которым опять толпились солдатские мамки.

– Дёме подарю. Жалко его.

Она потом так и гоняла по госпиталю с этими кроссовками в руках, и все там, наверное, думали, что вот умная девочка – сменку с собой принесла. Или умный пацан. Я не в курсе, короче, о чем они думали. Но это было потом. А сначала требовалось пройти за КПП. Товарища капитана-то мы с собой не прихватили.

Я сперва прикинул – может, с мамками как-нибудь затесаться. С теми, кого по спискам впускали по десять-пятнадцать человек. Пристроился к одной такой группе, чинно себе иду. Майка рядом, со своей новой обувкой. К братику, типа, с мамой пришли. Вот она сбоку.

Проведать там, то да сё, раненного защитника Отечества. Но прапор дежурный нас у шлагбаума сразу, сука, спалил.

– Сюда, – говорит, – идем. Расположение быстро покинули.

Пришлось искать другую мазу. Справа от ворот кучковались на корточках несколько каличей. Сами по себе тусовались. Покуривали в своих пижамах, на тапки себе поплеывали. Мамка ни одна к ним не подходила.

То есть выход за КПП у них имелся самостоятельный и свободный. Оттого, по ходу, и рожи были такие хитрые.

– Привет, пацаны! – Я к ним подошел. – Чо, как оно?

Все ништяк?

– Нормасики, – отвечают. – Чего хотел?

Я говорю:

– Дырку в заборе покажете?

Они говорят:

– Какую дырку?

Я им:

– Такую.

И вынимаю чуток лавэшки, которую мы в подъезде набанчили.

Потому что я знаю – дырка есть где-то наверняка. Ее не может не быть. А у этих такие хитрые рожи, что они-то как раз ее скорее всего и расковыряли.

– За мной иди, – один из них поднялся с корточек.

Я говорю:

– И пару халатов еще.

Он только хмыкнул.

Халаты, правда, оказались говно – драные, короткие, да еще все в каких-то пятнах. Даже Майка свой натянула с трудом. У меня так сразу на спине лопнул.

– Детские, что ли? – смеялась она. – Или для карликов.

Пока шли до лечебного корпуса, она всю дорогу прикалывалась:

– А бывают врачи-лилипуты? Или дети-врачи?

Но зато мы с ней могли проканать за студентов из мединститута. Хотя бы издали.

– С понтом, на практике, – сказал я, когда она спросила, как будем отмазываться, если что.

Тагира в палате не оказалось. Там вообще никого не было, кроме медсестры в синих очках. И воняло чем-то по-жесткому.

– Кварцевание, – сказала она. – В курилке ищите. Там они все.

– Тагир не курит.

– В курилке он.

Тагира мы действительно нашли в курилке на заднем дворе. В руке у него была сигарета.

– О! Здорово, Толян! – он крепко обнял меня. – Ты чего в тот раз не зашел? Я тебя ждал в палате.

– Привет... Извини, отец торопился.

– А! – Лицо у Тагира стало серьезным и даже немного торжественным. – Важный человек.

Офицер.

– Да брось ты.

– Нет, зачем брось? Я тебе говорю – хорошо, когда отец вот такой.

– Какой?

Он прищурился, чуть отстранился, как будто хотел получше меня рассмотреть, а потом широко улыбнулся.

– Молодец, что пришел. Вот, знакомься – это мои друзья.

Пожав руки всем, кто курил в беседке, и объяснив, что Майка – не пацан, я кивнул Тагиру в сторону белых яблонек у забора.

– Отойдем. Поговорить надо.

Майка двинулась за нами, но я покачал головой. Она как-то сразу все поняла, развернулась и уверенно втопила к лечебному корпусу. Будто сто раз тут была. И будто у нее там дело.

– Хорошая, – сказал Тагир, глядя ей вслед. – Прическа вот только странная.

– И не только прическа, – подтвердил я.

– Она – твоя девушка?

– Нет, – я даже засмеялся. – С такой девушкой сразу вешайся.

– Да? Почему?

Он смотрел на меня, ожидая ответа, с таким выражением, какое я помнил с детства. Этот взгляд возникал у него, когда мы с братом ставили его в тупик какой-нибудь выходкой, за которую следовало бы наказать, но он никогда не наказывал, а только пытался понять, почему мы так поступили, и мне лично в такие моменты было не совсем ясно, кто из нас взрослый – он или мы.

– Мы тебя искали несколько лет.

Он улыбнулся и махнул рукой:

– Зачем искали? Не надо было.

Тагир изменился. Он будто оброс новой оболочкой, вплавился в нее, как жук в смолу, и теперь проглядывал оттуда, вызывая странное чувство – он, не он. В прошлый раз из-за всего этого кипиша с огнестрелом и проблем с отмазками я, видимо, не особо заметил накатившие перемены, но сейчас это немного обламывало.

– Мог же хотя бы не исчезать. Адрес оставить, телефон.

– Зачем? – Он развел руками. – Если уходишь – уходи.

– Да блин! А про меня с братом ты подумал?

– Конечно, подумал. Так было правильно.

– Правильно?! – Я, по ходу, переволновался и заорал уже так, что мужики в беседке все обернулись. – Кинуть нас было правильно?!

Тагир невозмутимо кивнул:

– Я хотел, чтобы вы сразу всё поняли. Надо знать правду о жизни.

– Какую правду?! Что мы, по-твоему, должны были понять?

Он вздохнул и на пару мгновений задумался. Потом снова посмотрел на меня, как будто решаясь на что-то.

– Хорошо, сейчас объясню... Вот скажи – что для тебя самое вкусное на свете?

– Тагир, я о другом сейчас...

– Нет, ты ответь. – Он пытливо смотрел мне в лицо, словно решал важную задачу.

– Ну, сникерсы, – сдался я.

– Сколько съесть можешь?

– Блин, да при чем здесь это?!

– Сколько штук за один раз?

– Три.

– А четыре можешь?

– Могу.

– А пять?

– Ты достал!

– Пять можешь?

– За один раз – нет.

– Вот видишь! – Он засмеялся с таким видом, будто доказал научную истину. – Тебя вырвет. А представь, если у тебя их гора. Сможешь все съесть? За один раз. Нет! Тебе три надо. Всего три!

Он растопырил пальцы на правой руке и протянул их мне чуть не под нос.

– И к чему ты все это?

– Так и не понял? – Тагир продолжал улыбаться. – Человеку мало надо. Когда много – это неправильно. Надо уметь останавливаться.

– Ты поэтому, что ли, исчез? – наконец догадался я.

– Зачем тебе гора сникерсов? – вместо ответа сказал он.

Мы стояли под белым деревцем, вдыхая всю эту майскую сладость. За высоким забором слышались голоса солдатских мамок и дежурного прапора. Мужики в беседке уже сменились на каких-то пацанов, перепачканных йодом, в бинтах и в гипсе. А Тагир все смотрел на меня и улыбался.

– Я этой зимой друга похоронил, – снова заговорил он, когда понял, что я ничего не отвечаю. – Хорошего друга, Анатолий, настоящего. На кладбище много людей пришло. Холодно было, но люди пришли. И батюшка был хороший. Рыжий такой, высокий. На твоего отца, кстати, похож. Слова сказал важные.

– Какие слова?

– Про смирение. Сказал, что все умрем, поэтому сильно расстраиваться не надо. Все имеет конец.

– Сам пусть смиряется.

– Он сказал, что ты уже смирился.

– Я? Откуда он про меня знает?

– Знает. Сам подумай: ты же родился когда-то, но семью, родину не выбирал. Даже пол свой не выбирал. Значит, еще до рождения смирился. Судьбу свою принял. Так что нечего бунтовать. Когда хватит – значит, хватит. Всякий уход – вовремя. Гора сникерсов никому не нужна. Это просто кажется, что нужна. А на самом деле ты от нее сдохнешь.

Он задрал мой рукав и показал на след от укола.

– Вот твоя гора сникерсов. Я тебе все сказал. Дальше сам думай.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.